

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Е.И. Прилежаев

Обзор статей, материалов и заметок
по русской церковной истории в
светских журналах за 1878 г.

Опубликовано:
Христианское чтение. 1879. № 3-4. С. 354-397.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Обзоръ статей, матеріаловъ и замѣтокъ по русской церковной исторіи въ свѣтскихъ журналахъ за 1878 годъ.

I. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

1) *Древне-русскія полемическія сочиненія противъ протестантовъ. I. Отвѣтъ царя Іоанна Васильевича Грознаго Яну Рокитѣ. А. Попова (Книга вторая, стр. 1—61 + 133).*— Издатель, какъ видно изъ предисловія, предварительно общаго изученія древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ протестантовъ, представляющаго богатый матеріалъ для исторіи умственнаго развитія русскаго общества, предположилъ издать въ подлинникѣ наиболѣе замѣчательныя и рѣдкія произведенія нашей анти-протестантской литературы и началъ съ сочиненія, занимающаго въ ряду ихъ, по своей исторической цѣнности и рѣдкости, безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ. Написанное Грознымъ въ 1570 году, въ опроверженіе мяѣнній Яна Рокиты, члена общины чешскихъ и моравскихъ братьевъ, сочиненіе это до послѣдняго времени было извѣстно только по латинскому переводу, помѣщенному въ сборникѣ I. Ласицеаго: *De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione...* Spiraе, 1582. Напечатанный теперь списокъ съ самаго подлинника издателю удалось отыскать въ 1874 году, въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца XVI вѣка. Для сличенія съ подлинникомъ приложенъ и латинскій переводъ по изданію Ласицеаго. О другомъ недавно открытомъ въ библиотекѣ Холмской духовной семинаріи списокѣ отвѣта Грознаго Рокитѣ из-

датель замѣчаетъ, что судя по внѣшнему описанію его онъ представляетъ въ высшей степени важное открытіе.

2) *Леонтій Карповичъ, церковный витія православной юго-западной Руси въ XVII столѣтіи и два его слова. Архим. Леонида (Кн. 1-я, стр. 1—118).* — Послѣ краткой біографіи извѣстнаго поборника православія въ борьбѣ его съ уніей въ началѣ XVII вѣка, напечатаны два знаменитыя „казанія“ Карповича на Преображеніе Господне и на Успеніе Богоматери, съ переводомъ на русское нарѣчіе. Рассказываютъ, что когда эти два слова изданы были въ 1615 году, въ Эвью, то іезуиты скупили изданіе на вѣсь золота и истребляли его, такъ что теперь извѣстно лишь нѣсколько экземпляровъ этого рѣдкаго сочиненія.

3) *Книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ императрицы Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны С. А. Салтыкову, 1732—1742 (Кн. 1-я).* — Нѣкоторые изъ указовъ и писемъ должны быть отмѣчены и въ нашемъ обзорѣ; напр. указъ оберъ-гофмейстеру Салтыкову отъ 19 авг. 1732 г. (№ 58), гдѣ императрица, „имѣя важныя резоны о книгѣ Камень вѣры“, повелѣваетъ отобрать всѣ экземпляры ея въ Московской типографіи и въ лавкахъ у купецкихъ людей въ Москвѣ, и въ ящикахъ съ конвоемъ прислать въ Петербургъ (было отобрано 525 экз., да связокъ 8);—указъ ему же, въ окт. 1732 г., „о сумнительномъ поученіи, которое въ Донскомъ монастырѣ отъ рязанскаго архіерея Горки отправлено“. Во многихъ изъ писемъ Анны Іоанновны упоминается ея духовникъ „батюшка Варлаамъ“.

4) *Лѣтопись Боголюбова монастыря съ 1158 по 1770 годъ,* составленная по монастырскимъ актамъ и записямъ настоятелемъ оной обители игуменомъ Аристархомъ въ 1767—1769 годахъ. Сообщ. архим. Леонидъ (кн. 1-я, стр. 1—24).

5) *Историческія свѣдѣнія объ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ. Сообщ. Макарій, епископъ архангельскій (кн. 3-я, стр. 1—122).* — Изложены подробныя извѣстія объ основаніи монастыря, о древнемъ и нынѣшнемъ строеніи и положеніи его, о

примѣчательнѣйшихъ въ монастырѣ вещахъ, о грамотахъ (царей, патріарховъ; многія помѣщены цѣликомъ), о царскихъ и другихъ значительныхъ вкладахъ, о настоящихъ выгодахъ монастыря, о настоятеляхъ и о разныхъ достопамятныхъ случаяхъ монастырской жизни.

6) *Махрицскій монастырь*. Сообщ. архим. Леонидъ (кн. 3-я, стр. 1—38). Содержаніе: монастырскій синодикъ съ вкладною книгою (напечатаны въ подлинномъ видѣ); состояніе монастыря въ XVII столѣтіи; храмы и ризница его въ настоящее время; настоятели; описаніе грамотъ и актовъ монастыря (нѣкоторые помѣщены въ подлинникѣ).

7) *Историческое описаніе свято-Троицкія Сергіевы Лавры, составленное по рукописнымъ и печатнымъ источникамъ профессоромъ московской дух. академіи А. В. Горскимъ въ 1841 году, съ приложеніями архимандрита Леонида* (кн. 4-я). Настоящее изданіе отъ существующаго въ печати отличается тѣмъ, что въ немъ 1) возстановлены всѣ тѣ мѣста текста и подстрочныя примѣчанія, которыя были исключены изъ рукописи А. В. Горскаго митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, желавшимъ видѣть на первое время въ печати лишь „сокращенное описаніе Лавры“, для всѣхъ доступное по содержанію и цѣнѣ; 2) будетъ приложено нѣсколько первоисточниковъ для исторіи Лавры, извлеченныхъ изъ ея архива и рукописей, частію же составленныхъ на основаніи ихъ.

8) *Описаніе славянскихъ рукописей бібліотеки свято-троицкой Сергіевой лавры* (книга 2-я и 4-я). Описанію предпосланъ историческій очеркъ бібліотеки и списокъ книгохранителей съ XVI вѣка; послѣдніе двое изъ нихъ были составителями издаваемого описанія, причѣмъ пользовались совѣтами и указаніями покойнаго Ундольскаго. Описаніе было составлено въ 1854—1857 годахъ, во исполненіе указа св. Синода отъ 31 іюля 1853 года, по плану, выданному при томъ указѣ. Пергаменныя рукописи (43) отдѣлены отъ писанныхъ на бумагѣ и описаны въ слѣдующемъ порядкѣ: св. писаніе; толкованіе его; отцы церкви; каноническое

право; богослужебныя книги; исторія церкви и житія святыхъ; смѣсь. Въ 4-й книгѣ „Чтеній“ описаніе кончено VI отдѣломъ рукописей писанныхъ на бумагѣ.

9) *Христіанство въ предѣлахъ архангельской епархіи.* Сообщ. Макарій, епископъ архангельскій (кн. 3, стр. 1—86).— Взято изъ бумагъ по составленію историко-статистическаго описанія епархіи. Изложены историческія свѣдѣнія о распространеніи христіанства между 1) Заволоцкой Чудью, 2) Корелами, 3) Лопарями и 4) Зырянами. Затѣмъ говорится о вѣрованіяхъ и обрядахъ самоѣдовъ, о попыткахъ къ обращенію ихъ въ христіанство въ XVIII в., о перепискѣ св. Синода въ 1810—1821 годахъ съ архангельскими епископами относительно изысканія удобнѣйшихъ способовъ къ обращенію самоѣдовъ, о проектѣ, составленномъ и утвержденномъ по этому предмету и о дѣятельности духовной миссіи по обращенію самоѣдовъ. Статья заканчивается свѣдѣніями о положеніи раскола въ архангельской епархіи.

Мы должны упомянуть также о послѣднихъ двухъ книгахъ „Чтеній“ за 1877 годъ, которыя не успѣли войти въ прошлогдній нашъ обзоръ. Въ четвертой изъ нихъ напечатанъ одинъ изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ старославянской письменности (XII—XIII в.)—*Богословіе святаго Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна, экзарха Болгарскаго*, по харатейному списку московской синодальной бібліотеки № 108, буква въ букву и слово въ слово. То обстоятельство, что напечатанный списокъ дошелъ до насъ въ русскомъ изводѣ, показываетъ, что богословіе Дамаскина, въ переводѣ Іоанна Болгарскаго, было извѣстно на Руси съ древнѣйшихъ временъ, съ самаго возникновенія самобытной ея письменности, потому что трудно допустить, чтобы памятникъ старо-славянской письменности сразу, какъ только былъ принесенъ на Русь, получилъ чисто русской обликъ. Трудъ экзарха Болгарскаго не полный переводъ богословія Дамаскина, а только выборъ изъ него: изъ 100 главъ подлинника переведено только 48. Въ этомъ видѣ богословіе Іоанна Дамаскина распространялось въ спискахъ XV—

XVII вв. и служило однимъ изъ руководящихъ источниковъ для старинныхъ нашихъ богослововъ.

II. Русскій Архивъ.

1) *Святое евангеліе на малороссійскомъ языкѣ*. И. Павловскаго (тетрадь 5, стр. 125—126). Библиографическая замѣтка о принадлежащей библіотекѣ Полтавской духовной семинаріи рукописи 1556 — 1561 г., содержащей въ себѣ четвероевангеліе въ переводѣ на малороссійскій языкъ нѣкоего Михаила Васильевича, сына протопопа, съ Санока (мѣстечко въ Галиціи).

2) *Черта къ жизнеописанію патріарха Никона*. Сообщ. архим. Леонидъ (тетрадь 8, стр. 473—475). Въ напечатанной здѣсь грамотѣ патріарха Никона отъ 7-го іюля 1666 г. изъ Новоіерусалимскаго монастыря архимандриту Иверскаго монастыря и въ отпискѣ послѣдняго дѣло идетъ о соловьѣ, который 20-го мая влетѣлъ въ монастырскую церковь, сѣлъ на патріаршемъ мѣстѣ, пѣлъ дивно, и когда его поймали, оказался уже мертвымъ. Иверскій архимандритъ не счелъ нужнымъ сряду же извѣстить объ этомъ происшествіи патріарха; но послѣдній, узнавъ о немъ по слухамъ, самъ потребовалъ отъ Иверскихъ властей подробныхъ свѣдѣній о случившемся. Замѣтно, что Никонъ взглянулъ на это происшествіе, какъ на предвѣстіе ожидавшей его печальной судьбы, которая и постигла его въ концѣ того-же 1666 года.

3) *Переписка Петра Перваго съ патріархомъ Адріаномъ*. Сообщ. архим. Леонидъ (тетр. 1-я, стр. 1—9). Одно письмо Адріана къ царю и три письма царя къ патріарху, писанныя государемъ изъ Амстердама въ 1697-мъ году. Интересно первое изъ нихъ, въ которомъ царь изъяснялъ цѣль долговременнаго своего пребыванія за границею желаніемъ „добраго пріобрѣтенія морскаго пути“, чтобы потомъ предпринять войну противъ „враговъ Христова имени турокъ и явиться, съ помощію Божіею, освободителемъ тамо сущихъ христіанъ“. Царь хотѣлъ очевидно возбудить симпатіи къ своимъ новымъ затѣямъ со стороны высшаго духовен-

ства и сдѣлать его вѣрнымъ истолкователемъ народу пользы его заграничной поѣздки, на которую, какъ онъ зналъ, косо и подозрительно смотрѣли всѣ приверженцы русской старины, съ патриархомъ во главѣ.

4) *Чрезвычайное происшествіе въ Цареконстантиновъ монастырь*. Сообщ. архим. Леонидъ (тетр. 7, стр. 278—279). Подъ этимъ заглавіемъ напечатанъ документъ о таинственномъ колокольномъ звонѣ, который 9-го января 1753 г. въ самыхъ монастырскихъ вратахъ „изъ подъ земли явственно, якобы большихъ и малыхъ колоколовъ переборомъ, слышанъ былъ съ великимъ звукомъ“ и продолжался съ самаго утра до вечерняго благовѣста. „Такую удивительную и никогда въ томъ монастырѣ неслыханную оказію видя и слыша“, намѣстникъ немедленно донесъ о ней консисторіи (монастырь былъ въ 15 верстахъ отъ Владиміра), но когда консистористы пріѣхали въ монастырь для дознанія дѣла—звона уже не было слышно.

5) *Московскія безобразія проилаго вѣка*. Сообщ. Н. Розановъ (тетр. 1, стр. 26—30). Два разсказа: 1) О дракѣ 29 іюня 1750 г. въ Чудовомъ монастырѣ, въ кельяхъ намѣстника, дававшего, по случаю царскаго дня, обѣдъ, къ которому были приглашены между прочими секретари московской и вятской консисторій. „Во время обѣда между ними происходили разговоры о ихъ званіяхъ“, послѣ обѣда сдѣлавшіеся крупяѣе и кончившіеся побоями: „такъ то, не обижай вятскіе московскихъ“. 2) О нѣмцѣ-драчунѣ, Эльбигѣ, бывшемъ управителемъ въ одномъ изъ подмосковныхъ селъ графа К. Разумовскаго. Разсказывается, какъ онъ хотѣлъ разъ на церковной паперти избить батожьемъ мѣстнаго дьячка, который слезами и поклонами умолилъ впрочемъ нѣмца,—а въ другой разъ призвалъ на конюшенный дворъ пономаря, велѣлъ раздѣть его до-нага и дѣйствительно избилъ батожьемъ и тростью, и заставивъ священника подать въ домовую контору графа рапортъ о томъ, будто дьячекъ и пономарь люди дурные,—самъ по себѣ отрѣшилъ ихъ отъ церкви и выгналъ изъ села, благочинному же

сказалъ, что и священника высѣчетъ, если увидитъ его дурные поступки. Это случилось въ 1776 году, когда архіепископомъ московскимъ былъ Платонъ Левшинъ, заботившійся, какъ извѣстно, о возвышеніи приниженаго состоянія приходскаго духовенства. Узнавъ о дерзкомъ поступкѣ нѣмца, онъ приказалъ консисторіи сообщить о немъ въ губернскую канцелярію и требовать непремѣннаго удовлетворенія за обиду церковниковъ и наказанія нѣмца по законамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запретилъ служеніе въ церкви того села и всѣ просьбы главноуправляющаго графскими имѣніями о снятіи этого запрещенія оставлялъ безъ удовлетворенія, за неразрѣшеніемъ дѣла объ Эльбигѣ. Послѣдній принесъ наконецъ повинную въ іюль 1777 года и заплатилъ пономарю 10 рублей за обиду.

6) *Къ исторіи отжившаго чиновничества.* И. Дубасова (тамъ же). Между рассказанными здѣсь по архивнымъ дѣламъ тамбовскаго духовнаго правленія случаями чиновничьяго самоуправства, иногда соединеннаго съ чрезвычайною жестокостію и самодурствомъ, отъ которыхъ жутко приходилось обществу, особенно низшимъ безотвѣтнымъ классамъ, есть черты любопытныя и для церковнаго историка. Таковъ рассказъ о моршанскомъ городничемъ Титовѣ (1786), какъ онъ не взлюбилъ одного изъ тамошнихъ священниковъ и какъ показалъ надъ нимъ свою градоначальническую власть (стр. 33—34). Любопытенъ также рассказъ о засѣдателѣ Борисоглѣбскаго нижняго земскаго суда (1788), какъ онъ, въ сознаніи своего начальственнаго положенія, во время чтенія Евангелія въ церкви, вышелъ изъ алтаря, чтобы поговорить съ какимъ-то знакомымъ, чрезъ царскія двери, а по окончаніи разговора тѣмъ же путемъ вернулся опять въ алтарь (стр. 34).

7) *Похожденія монаха Палладія Лаврова* (тетр. 8, стр. 442—462). Извлеченіе изъ подлиннаго дѣла объ отставномъ прапорщикѣ Лавровѣ, который, давъ обѣтъ поклониться мощамъ всѣхъ угодниковъ Божіихъ, нѣсколько лѣтъ странствовалъ по монастырямъ, и въ концѣ 1778 года вздумалъ отправиться въ Петер-

бургъ для свиданія съ княземъ Г. Орловымъ, съ которымъ онъ служилъ нѣкогда въ одномъ полку, и для богомольныхъ бесѣдъ съ его молодою супругою. Лавровъ жилъ у него до тѣхъ поръ, пока княгиня не запретила пускать его на дворъ. Свои похождения за это время онъ вносилъ въ дневникъ, который и напечатанъ въ статьѣ въ подлинникѣ. Послѣ онъ былъ постриженъ въ монахи, потомъ былъ удаленъ въ Спасо-Евѣиміевъ монастырь и въ этой крѣпости духовнаго вѣдомства кончилъ свою безпокойную и бесполезную жизнь прихлебателя, странника и чудодѣя.

8) *Прорицатель Авель* (тетр. 7, стр. 353—365). Одержимый духомъ видѣній и предсказаній монахъ (род. 1757, ум. 1741, въ заточеніи въ Спасо-Евѣ. монастырѣ),—то постоянный скиталецъ по монастырямъ и костромскимъ лѣсамъ и пустынямъ, то тюремный сидѣлецъ, находившій себѣ почитателей и благотворителей даже въ высшемъ кругу и оставившій послѣ себя нѣсколько мистически-литературныхъ произведеній о твореніи міра и человѣка, представляющихъ смѣсь библейскихъ сказаній съ собственными добавленіями и обнаруживающихъ, что въ своихъ фантазіяхъ Авель убѣжденъ былъ совершенно и былъ готовъ отдать за нихъ свою жизнь. Темные слухи объ Авелѣ и его прорицаніяхъ (кончины имп. Екатерины II и Павла, раззоренія Москвы) доселѣ еще ходятъ по Россіи. Нѣсколько свѣдѣній о немъ было сообщено въ „Русск. Старинѣ“ 1875 г. Настоящая статья Русскаго Архива содержитъ новыя достовѣрныя свѣдѣнія объ Авелѣ, представляя извлеченіе изъ подлиннаго начавшагося въ 1796 г. „дѣла о крестьянинѣ вотчины А. А. Нарышкина Васильѣ Васильевѣ, находившемся въ Костромской губ. въ Бабаевскомъ монастырѣ подъ именемъ іеромонаха Адама и потомъ названномъ Авелемъ и о сочиненной имъ книгѣ“.

9) *Письмо харьковскаго губернатора Норова къ архимандриту Василью Базилевичу* (тетр. 4, стр. 493—494),—ректору харьковскаго коллегіума отъ 9 авг. 1787 г., написанное по поводу полученнаго Норовымъ изъ Кременчуга отъ князя Потем-

кина-Таврическаго ордера—немедленно доставить ему обстоятельное свидѣніе о харьковскомъ духовномъ училищѣ.

10) *Изъ писемъ священно-архимандрита Фотія двѣицъ, духовной его дочери, двора ихъ императорскихъ величествъ камеръ-фрейлинъ, графинь Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской, 1820—22 годовъ.* Сообщ. Д. Благово (тетр. 7, стр. 292—300). Напечатанныя девять писемъ могутъ быть интересны для личной характеристики Фотія и взаимныхъ отношеній его и графини Орловой, которой письма Фотія были „такъ нужны, какъ воздухъ для дыханія“.

11) *Замѣчанія митрополита Филарета на конспектъ каноническаго права* (тетр. 5, стр. 126—128). Писаны въ 1841 г. и направлены къ тому заключенію, что „неудобно каноническое право отдать юридической каедрѣ, а приличнѣе присоединить его къ каедрѣ богословія“.

12) *Два письма митрополита Серафима къ графу Н. А. Протасову* (тетр. 12, стр. 522—524). Были писаны по случаю извѣстнаго дѣла о появленіи литографированнаго перевода учительныхъ и пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта, одно 1-го, другое 4-го марта 1842. Не принимавшій по болѣзни личнаго участія въ разсмотрѣніи св. Синодомъ этого дѣла, митрополитъ въ первомъ письмѣ изъяснялъ графу свое глубокое душевное прискорбіе и свои соображенія по поводу „искаженнаго и нечестиваго переложенія“, а во второмъ давалъ отзывъ о присланной къ нему графомъ на разсмотрѣніе запискѣ московскаго митрополита Филарета, составленной по случаю появленія литографированной Библии. Серафимъ находилъ предложенія Филарета излишними и опасными, такъ какъ издать Библию со внесеніемъ въ нее какихъ-бы то ни было оглавленій и замѣчаній, по самой краткости своей неудовлетворительныхъ, значило бы умамъ празднымъ давать поводъ къ спорамъ, разномыслию и заблужденіямъ, а не уничтожать соблазнъ, произведенный нечестивыми примѣчаніями къ тексту литографированнаго перевода.

13) *Письмо московскаго митрополита Филарета къ російскому посланнику въ Аѳинахъ А. П. Озерову* (тетр. 3, стр. 364—365), отъ 27 сент. 1861 г., по случаю получения митрополитомъ греческаго ордена Спасителя; между прочимъ сообщаетъ о своемъ взглядѣ на греко-болгарское несогласіе и объ отношеніяхъ російскаго св. Синода къ этому дѣлу.

III. Русская Старина.

1) *Монастырскій судъ XVII вѣка* (сент., стр. 119—121). Напечатанъ документъ 1610 года, представляющій юридическое изложеніе суднаго дѣла, производившагося въ Коряжемскомъ монастырѣ, по челобитью одного монастырскаго половника.

2) *Сожженіе на костръ въ Екатеринбургъ въ 1738 году*. Сообщ. Н. Чупинъ (октябрь, стр. 309—313). По документу Екатеринбургскаго горнаго архива изложены обстоятельства сожженія на костръ за отпаденіе въ магометанство новокрещеннаго татарина Тойгильды, „на страхъ другимъ, при собраніи всѣхъ крещенныхъ татаръ“,—по опредѣленію начальника Оренбургской экспедиціи В. Н. Татищева.

3) *Письмо Амвросія Юшкевича, архіепископа Новгородскаго, къ Варсонофію, епископу Архангельскому* (май, стр. 187—190). Сообщ. В. Тамицкій. Писано изъ Москвы 19 іюня 1742 г., по поводу неблаговидныхъ слуховъ о Варсонофіѣ, который, будучи архимандритомъ и членомъ св. Синода, являлся смиреннымъ и кроткимъ, а сдѣлавшись архіереемъ „пошелъ иною дорогою жестоко-сти безмѣрной, отъ чего многіе, оставивъ церкви, бѣжать отъ него рады были“. Священнослужителей Архангельскаго собора, сковавши въ желѣза, волочилъ по разнымъ мѣстамъ, раззорилъ денежными штрафами, а „въ самый день Свѣтлаго Воскресенія Христова, совершая литургію, приказалъ оныхъ же соборянъ, не жалѣя общей всего духовенства чести, на поруганіе народу, нѣсколько часовъ на льду босыхъ мучить тирански“. Амвросій написалъ увѣщательное

письмо къ Варсонофію, съ напоминаніемъ ему о свойствахъ истиннаго пастыря церкви.

„Да и по самому суду человѣческому, — продолжалъ Амвросій, — должно прежде быть наказаніе — цѣпь, плеть и проч., которыми можно, по мѣрѣ вины, наказывать, да милостиво, кротко и не въ публикѣ; а ваше преосвященство не только что новымъ симъ мученіемъ мучили, съ безчестіемъ всего духовенства, но и мучили въ самый день Свѣтлага Воскресенія Христова, въ который подъ запрещеніемъ никакихъ судовъ производить не должно... Однако еще сіе можно приписать Божію милосердію, что таковой поступокъ вашего преосвященства прежде прочихъ мнѣ единому извѣстенъ сталъ, о которомъ какъ скоро я извѣстился, такъ отъ братскаго о вашемъ преосвященствѣ сожалѣнія сіе въ предостереженіе пишу вамъ. Впрочемъ если далѣе не будетъ исправленія и донесется высшимъ и воспослѣдуетъ что противное, я вашему преосвященству ни въ чемъ не помощникъ; я и такъ жалѣю уже, что по простосердечію моему столько помогаль, что не малое совѣсти моей отягченіе дѣлаетъ“.

4) *Распоряженіе по духовному вѣдомству, по случаю отправления академію наукъ археологической экспедиціи Грекова въ 1761 г.* Сообщ. В. Лѣтвицынъ (іюль, стр. 474—476). Подлинный указъ ярославскаго дух. правленія одному изъ заащиковъ, вызванный указомъ мѣстной консисторіи, состоявшимся въ силу синодальнаго указа. Академія наукъ просила св. Синодъ безпрепятственно допускать художника Грекова къ снятію имѣющихся въ церквахъ изображеній, а также повелѣтъ по всѣмъ церквамъ древнерусскихъ городовъ, гдѣ есть государскія гробницы, списать надгробныя надписи и прислать въ академію, для сочиненія полнаго родословія російскихъ государей.

5) *Императрица Екатерина II. О дозволеніи братьямъ гернутерамъ селиться въ Россіи.* 1763—1764 (дек., стр. 712—713). Напечатанъ подлинный докладъ св. Синода императрицѣ по указанному дѣлу, 22 дек. 1763 г., и состоявшаяся на немъ высочайшая резолюція.

6) *Рукописный пяти-язычный словарь въ Нижегородской семинарской бібліотекѣ и его происхожденіе.* А. Можаровскаго

(декабрь, стр. 706 — 707). Замѣтка о словарѣ татарскаго, мордовскаго, чувашскаго и черемисскаго языковъ, съ русскимъ переводомъ, который былъ составленъ въ 1784—1785 г., во исполненіе монаршаго желанія императрицы Екатерины II, выраженнаго въ рескриптѣ ей епископу Дамаскину Рудневу, учениками нижегородской семинаріи, при участіи вызванныхъ епископомъ въ Нижний Новгородъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, знавшихъ инородческіе языки, а также свѣдущихъ изъ обращенныхъ инородцевъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ Дамаскина, написавшаго къ словарю предисловіе. По окончаніи, списокъ съ словаря 15 апр. 1785 г. былъ отосланъ къ императрицѣ, а подлинникъ (2 тома, болѣе 1000 листовъ) былъ отданъ въ бібліотеку семинаріи. Объ этомъ словарѣ уже были свѣдѣнія въ „Ист. Нижегород. ер.“ архим. Макарія (стр. 171), но не совсѣмъ точныя и обстоятельныя.

7) *Императоръ Павелъ и старообрядцы.* Сообщ. И. Лапотниковъ (май, стр. 173 — 176). Разсказъ о томъ, какъ петербургскій старообрядецъ Миловъ, имѣвшій въ своемъ домѣ церковь и лично знакомый государю, былъ приглашенъ 25 ноября 1800 г., вмѣстѣ со своимъ священникомъ и другими прихожанами, въ придворную церковь къ литургіи, и какъ государь послѣ обѣдни говорилъ съ старообрядцами о томъ, что нѣтъ причинъ отдѣляться отъ церкви и на столь много толковъ.

„Ваше величество,—возразили нѣкоторые,—мы не настолько удалены отъ соединенія, какъ безпоповщина, которая ни священства, ни св. причастія, ни прочихъ таинствъ не имѣетъ“.—Такъ, вотъ видите и сознаетесь сами, что въ васъ единства нѣтъ, сказалъ государь, и потому-то я постараюсь соединить всѣхъ; а между тѣмъ предлагаю вамъ отслужить обѣдню въ слѣдующее воскресенье, по вашимъ стариннымъ книгамъ, а чтобъ согласіе были въ служеніи, я назначаю вамъ протодіакона, котораго угодно; возьмите его, согласитесь во всемъ, спойтесь и приходите всѣ.—Событіе произвело въ городѣ разные толки; миловщина радовалась монаршему благоволенію и надѣялась получить свободу и новый блескъ для своей церкви; напротивъ того безпоповщина была въ большомъ безпокойствѣ и опасеніи.

8) *Императоръ Александръ I* (дек., стр. 748). Сообщ.

Я. Ширяевъ. Изъ двухъ напечатанныхъ здѣсь изустныхъ разсказовъ, интересенъ разсказъ о случаѣ, бывшемъ въ городѣ Чембарахъ при встрѣчѣ государя мѣстнымъ священникомъ, — перепечатанный въ „Церк. Вѣстн.“ 1878 г., № 51.

9) *Народные заговоры противъ болъзней.* Сообщ. Вохивъ (іюль, стр. 490—492). По рукописи начала XVIII в. напечатано „сказаніе препод. отца Сисипія о 12 трясовицахъ“.

10) *Волшебныя письма.* Сообщ. Рѣпинскій (сент., стр. 157). Молитва тоску отнять и др.

11) *Донесеніе о неблагоиніи въ 1810-хъ годахъ.* Сообщ. Н. Губерти (іюль, стр. 476—479). Подлинная жалоба благочинному священника села Бѣлоомута, Борковской половины (въ 150 верстахъ отъ Москвы), на буйство, неуваженіе къ святынь и гордость дьяконовъ и дьячковъ того же села Комаровской половины. Изложены многіе, даже неудобовѣроятные, грустные факты.

„Неистовство ихъ, жаловался между прочимъ священникъ, до того простирается, что во святилищѣ совершаются самыя богомерзкія цѣлѣности: на горкемъ мѣстѣ, сидя на стулѣ, стригутъ волосы, руки отираютъ ризами, вызываютъ другъ друга биться на кулачки, дѣлаютъ непристойныя кривлянія и безпрестанные крики; не имѣютъ ни малѣйшаго уваженія къ святынь, облакачиваются на жертвенникъ, что особенно дѣлаетъ діаконъ Евѣимій, который, если начнетъ что говорить, то обыкновенно или ложится на ономъ, заворотя руки назадъ, или бѣгаетъ по алтарю, какъ стумасшедшій, и никогда не слушаютъ священника, запрещающаго сіи непристойности“.

12) *Записки протоіерея Іоанна Виноградова. 1800—1836 г.* (августъ, стр. 557—580). Первая глава записокъ обнимаетъ воспитаніе Виноградова, въ двухъ остальныхъ говорится о разныхъ событіяхъ и случаяхъ, бывшихъ во время службы его— сначала въ званіи учителя духовнаго училища въ Ямбургѣ, потомъ діакона въ Андреевской церкви на Васильевскомъ островѣ, а затѣмъ священника церкви въ академіи художествъ и въ Гатчинской придворной (о наводненіи 7 ноября 1824 г., о событіяхъ 14 декабря 1825 г., о холерѣ 1830 г.). Въ нашемъ обзорѣ должно отмѣтить преимущественно первую главу, гдѣ авторъ сна-

чала рассказываетъ о своемъ воспитаніи въ александровской академіи,—причемъ передаетъ нѣсколько подробностей для характеристики академическаго тогдашняго быта и префектовъ—Израиля (1803—1808 г.), послѣ котораго „экономія и мораль потерпѣли знатный упадокъ“, и Порфирія,—а потомъ излагаетъ воспоминанія о своей семинарской жизни: нужно замѣтить, что въ 1809 году, съ устройствомъ академіи по новому плану, Виноградовъ изъ академистовъ поступилъ въ число воспитанниковъ, составившихъ первый курсъ новооткрытой тогда петербургской семинаріи.—Объ академіи рассказываетъ, что она при Израилѣ имѣла своихъ отмѣнныхъ пѣвчихъ, прекраснѣйшихъ музыкантовъ, часто бывали собранія въ залѣ, куда съѣзжались изъ столицы люди знатные и богатые. Самъ митрополитъ Амвросій нерѣдко присутствовалъ на оныхъ... Онъ же, кромѣ строгаго надзора префекта надъ состояніемъ стола, „частехонько въ подрясничкѣ, въ камилавчкѣ, тихонько заходилъ и въ кухню“. Академистамъ давалась тогда ежегодно 1-го мая „рекреація“. Въ этотъ праздникъ воспитанниковъ раздѣляли на особыя части, въ родѣ ротъ, каждому давалась деревянная шпага, знамена были бумажныя; упомянутыми ротами командовали, заставляли другъ у друга отнимать позиціи и пр., словомъ дѣйствія похожи были на военные. Въ Александровъ день 1808 года Израиль нарядилъ насъ,—рассказываетъ авторъ,—въ новые синяго сукна казакины (родъ сюртуковъ, со стоячимъ воротникомъ чернаго бархата, обшитыхъ по оному и по полю краснымъ сукномъ), въ башмаки, намазавъ волосы помадой, и въ семь убранствѣ поставилъ по обѣимъ сторонамъ аллеи, что отъ собора до келлій митрополита, гдѣ государь изволилъ проходить съ высочайшею фамилією послѣ обѣдни. У Виноградова упомянуть также происшедшій уже въ новообразованной академіи извѣстный случай, когда студенты пошумѣли за пищу съ инспекторомъ—экономомъ и когда одни изъ зачинщиковъ шума были отданы въ солдаты безъ выслуги, другіе—навсегда въ дѣлчики. Митрополитъ Амвросій, замѣчено у Виноградова, сильно оскорбленъ былъ такимъ оборотомъ дѣла

противъ студентовъ и академіи.—О новообразованной петербургской семинаріи авторъ сохранилъ немного добрыхъ воспоминаній. Обращаетъ на себя вниманіе оцѣнка, какую дѣлалъ протоіерей Виноградовъ семинарской морали, наукѣ и экономіи.

Относительно морали между прочимъ онъ замѣчаетъ: „...пріучаютъ любить добродѣтель только страхомъ наказанія. И что пользы отъ сей неумѣстной палки на поприщѣ благочестія? Извѣстно, что рабъ не сынъ. Водясь страхомъ неключимаго раба, мы не только во младенчествѣ дѣлаемся рабами, но и въ жизни и службѣ—навсегда, касательно своихъ начальниковъ. Черезъ сей значительный недостатокъ сколько теряетъ священникъ русской церкви, при всей своей образованности, предъ какимъ-нибудь финскимъ или лютеранскимъ!.. Въ самомъ свѣтскомъ быту немного и немногіе выгадали наши, которымъ вздумалось въ кругу смѣлыхъ и оборотливыхъ смиренничать по-монашески. Въ самомъ дѣлѣ, эта слабость у насъ величается названіемъ смиренія. Низко кланяться, робѣть, трястись отъ страха предъ лицомъ ректора или инспектора, отвѣчать имъ несиѣло—вотъ признаки сей вредной добродѣтели. Теперь я не могу надивиться деспотизму семинарскому, когда узналъ корпуса и кадетовъ (Виноградовъ былъ законоучителемъ въ Горномъ корпусѣ). Кадетъ или питомецъ, видя начальника, отдаетъ ему честь должную, но говоритъ ему, какъ отцу, о своихъ нуждахъ, прямо и смѣло,—здѣсь я вижу, что учащійся не забываетъ, что онъ человѣкъ....“

О наукахъ замѣчено, что „схоластизмъ еще не вывелся“, но „съ тѣхъ поръ, какъ ввелось новое образованіе по части духовной, по крайней мѣрѣ примѣтно прекращаются варварства въ наказаніяхъ учащихся“. Экономическая часть въ семинаріи была столько же худа, какъ она была хороша въ невской академіи при Израилѣ: „непонятно, отъ кого и отъ чего произошло крайній упадокъ въ оной. Положеніе отъ казны было усилено, оклады съ своекоштныхъ возвышены, а столовая и кухня были весьма въ непріятномъ тонѣ. А посмотрѣлъ бы кто на одѣявіе семинариста-студента, удивился бы убранству онаго. Мухояровый сюртукъ, шляпа кожанная, сапоги повисшія, штаны и куртка толстаго сѣраго сукна, очень похожая на уборъ тогдашнихъ будочниковъ,—вотъ что украшало наружность нашу! О ближайшемъ же къ тѣлу, сирѣчь о бѣльѣ, и говорить нечего. Если было цѣлоное, то такъ тонко и вѣжно, какъ холстъ, что у добрыхъ людей по поламъ разстилагается. О поношенномъ же скажу только: часто въ банѣ видишь, какъ иной казенно-коштный студентъ какіе нибудь лоскутки на те-

семкѣ опоясываетъ кругомъ себя. Сознаюсъ, что пришедъ въ возрастъ, часто съ завистію глядѣли мы на слугъ богатыхъ господъ, одѣтыхъ лучше каждаго изъ насъ. Кажется, здѣсь нѣтъ мѣста пословицъ: по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ. Да, умъ дѣло скрытое!.. Такимъ образомъ, унизительное состояніе по наружности и убитый рабствомъ духъ не были причиною добра будущаго...”

13) *Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій*. 1800—1857. Н. В—овъ (февраль, стр. 193—204, апрѣль, стр. 547—572, ноябрь, стр. 367—398). Въ статьѣ сгруппированы въ цѣльный очеркъ свѣдѣнія и документы о жизни преосвященнаго Иннокентія, разбросанныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ и отдѣльнымъ сочиненіямъ; кромѣ печатныхъ матеріаловъ, авторъ располагалъ также обширнымъ собраніемъ неизданныхъ собственноручныхъ писемъ Иннокентія и отвѣтами разныхъ лицъ на эти письма, и надѣется представить много совершенно новыхъ данныхъ для ознакомленія съ знаменитымъ іерархомъ русской церкви. Пока напечатаны три главы біографіи. Въ первой главѣ говорится о годахъ воспитанія и образованія Иннокентія; во второй главѣ разсматривается дѣятельность его на поприщѣ наставника и воспитателя другихъ; въ третьей обзрѣвается періодъ его служенія церкви и отечеству въ санѣ архіерея Вологодской и Харьковской епархій. Небольшая поправка къ статьѣ сообщена въ *Замѣткѣ о стихотвореніи, приписываемомъ архіепископу Иннокентію*. Z. (дек., стр. 710).

14) *Черта изъ жизни Филарета, митрополита Московскаго*. Сообщ. П. Семеновъ (январь, стр. 189—190). Разсказъ о томъ, какъ митрополитъ обзрѣвалъ одну приходскую церковь и какъ бы намѣренно искалъ повода къ замѣчанію: „прорцы ми, отче, почто у ти пыль здѣ?“ спросилъ онъ у настоятеля, который былъ пораженъ этимъ вопросомъ и въ страхѣ палъ на колѣна предъ митрополитомъ. „Ты понялъ?“ спросилъ Филаретъ священника, проницательно смотря на него. „Понялъ, владыко, все понялъ, прости великодушно“, отвѣчалъ священникъ. „А когда понялъ,

сказалъ тихо Филаретъ, то Богъ проститъ“. Митрополитъ вспомнилъ одинъ случай изъ своей ученической жизни и по голосу призналъ въ священникѣ ученика, говорившаго ему: „прорцы, Василіе, кто ты ударяяй“, когда нѣкоторые изъ его товарищей, не любившіе Дроздова за то, что онъ всегда былъ правдивъ и о чемъ вѣдалъ, о томъ и отвѣтъ давалъ открытый, вздумали проучить его, подстергши въ темномъ корридорѣ.

15) *Тропарь на день Преображенія Господня*, соч. митрополита Филарета. Сообщ. П. Семеновъ (сент., стр. 156). Стихотворное переложеніе, написанное Филаретомъ на годичномъ актѣ московской духовной академіи, въ 1866 г.

На актѣ митрополиту было представлено стихотворное переложеніе этого тропаря, сдѣланное однимъ изъ экзаменованныхъ молодыхъ людей. Старецъ, взявъ бумагу и перо, тутъ же написалъ свое переложеніе и, передавая его ректору, сказалъ: „не будетъ ли такъ ближе къ подлиннику?“

„Преобразился днесь Ты на горѣ, Христе,
И славу тамъ Твою ученики узрѣли,
Дабы, когда Тебя увидятъ на Крестѣ,
Страданье вольное Твое уразумѣли
И проповѣдали вселенной до конца,
Что Ты—Сіяніе Отца“.

16) *Очерки, рассказы и воспоминанія Э...ва. III. Буитъ архіепископа Иринея въ Иркутскѣ въ 1832 г. и высылка его изъ Сибири* (сентябрь, стр. 99—117). Между рассказами автора о времени его пребыванія въ Иркутскѣ, начальникомъ тамошняго адмиралтейства, передаются случаи чрезвычайной строгости и странностей иркутскаго архіепископа Иринея (Нестеровича, 1830—1831), котораго Э—въ зналъ лично. Во всемъ городѣ только и слышались жалобы на владыку. Духовенство, духовныя правленія приносили жалобы и просили защиты у генераль-губернатора. Строгость владыки доходила до неприличія; иногда до скандала во время служенія. Владыка любилъ повторять: „я власть, я намѣстникъ Христа, другой власти нѣтъ“ и т. п. Наконецъ пришелъ указъ объ удаленіи архіепископа по разстройству умствеп-

ныхъ способностей, послужившій ближайшей причиною случая, названнаго въ заглавіи разсказа бунтомъ. Когда чиновникъ иркутскаго генераль-губернатора Лавинскаго, посланный для содѣйствія спокойному отъѣзду владыки, явился къ Иринею, послѣдній пошелъ съ нимъ на главную гауптвахту, и тамъ, по приказанію владыки, караульный офицеръ посадилъ чиновника подъ арестъ. Другой губернаторскій чиновникъ, проходившій мимо и хотѣвшій узнать, въ чемъ дѣло, также былъ посаженъ подъ арестъ. Вскорѣ прибылъ самъ генераль-губернаторъ и засталъ Иринея ходившимъ на плацъ, передъ фронтомъ солдатъ, благословлявшимъ подходившій народъ (это было въ праздничный день, во время обѣдни) и громко говорившимъ, что онъ знать не хочетъ гражданскаго начальства, съ которымъ стоитъ передъ государемъ на одной доскѣ, что судъ государя рѣшить, кто правъ, что онъ донесъ государю обо всемъ и что солдатъ кормятъ мукой съ пескомъ. На мѣсто происшествія прибылъ затѣмъ комендантъ; архіепископа повели въ его келью, а на архіерейскій дворъ привели роту солдатъ, изъ опасенія волненій, такъ какъ „въ народѣ толпами толковали объ обидѣ владыкъ“. Донесли государю. Кончилось тѣмъ, что архіепископъ безпрекословно покорился рескрипту государя, которымъ повелѣвалось архіепископа Иринея, по разстройству умственныхъ способностей, передать жандармскому полковнику для дальнѣйшихъ распоряженій. Послѣ, когда Лавинскій служилъ въ Петербургѣ, государь однажды сказалъ ему: „а кажется мы поторопились съ твоимъ архіереємъ: оказывается, что онъ не столько виноватъ“. Въ V главѣ очерковъ Э—ва (декабрь), гдѣ онъ вспоминаетъ о своей жандармской службѣ въ Симбирскѣ, любопытенъ разсказъ о разрушеніи одного стариннаго раскольничьяго монастыря за Волгой на р. Ирғизѣ, благословлявшаго нѣкогда Пугачева на русское царство и бывшаго повсемѣстно въ большомъ уваженіи. Когда въ 1839 году послѣдовало высочайшее повелѣніе образовать на мѣстѣ монастыря уѣздный городъ Николаевскъ, раскольники отказались было повиноваться (стр. 687—691).

17) *Стихъ о раззореніи раскольничьихъ скитовъ*. Сообщ. А. Можаровскій (іюнь, стр. 342—345). Плачь раскольниковъ, найденный въ одной изъ старопечатныхъ книгъ, отобранныхъ у раскольниковъ во время раззоренія керженскихъ скитовъ, въ 1853 и слѣдующихъ годахъ, и находящихся въ библиотекѣ нижегородской семинаріи.

18) *Скитскій трапезникъ, или годовой кругъ скитской трапезы*. Къ характеристикѣ керженскихъ скитовъ. Сообщ. онъ же (іюль, стр. 464—465). Найденъ тамъ же.

19) *Скопческія пѣсни*. Сообщ. П. Щебальскій (іюль, стр. 466—474). Три пѣсни, взятыя изъ оффиціального дѣла о Галацкомъ „искупитель“ Кузьмѣ Ѳедосѣевѣ, который былъ распространителемъ скопчества между многочисленными русскими сектантами, проживающими въ Галацѣ, лѣтъ семь тому назадъ, а потомъ сталъ дѣлать приготовленія къ вступленію въ Россію, въ качествѣ учителя и просвѣтителя, но когда вступилъ—былъ арестованъ и гдѣ онъ теперь—неизвѣстно.

IV. Древняя и Новая Россія.

1) *Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ*. И. Забѣлина (№№ 3 и 4, стр. 185—203, 281—303). Значительнѣйшая часть статьи говоритъ о развитіи и характерѣ церковнаго—деревяннаго и каменнаго—зодчества въ древней Россіи.

2) *Древне-русское паломничество*. А. Гиляревскаго (№ 8, стр. 327—337). Сказавъ кратко о вліяніи Византіи на происхожденіе паломничества въ Россіи, выразившемся въ сообщеніи русскимъ самага понятія о паломничествѣ, какъ нравственномъ подвигѣ, и свѣдѣній о различныхъ святыхъ востока, авторъ переходитъ къ характеристикѣ древняго русскаго паломничества. Оно рассматривается сначала какъ фактъ религіозно-нравственной жизни русскаго народа и отмѣчаются черты, характеризующія его, какъ явленіе не вполне нормальное, вслѣдствіе того значенія, какое придавали ему неразвитые наши предки, смотрѣвшіе на паломничество,

какъ на искупительную жертву, особенно угодную Богу, такъ что по ихъ мнѣнію можно было цѣлую жизнь грѣшить какъ угодно, но лишь бы только удалось сходить къ св. мѣстамъ—и все будетъ прощено. Весьма многіе, если только не большинство народной массы, отправлялись въ путь даже и безъ религіозно-нравственныхъ побужденій, чтобы проводить время въ праздности, но и такіе паломники все-таки видѣли заслугу въ самомъ посѣщеніи св. мѣсть, которая покрывала и окупала ихъ недостойный образъ жизни. Далѣе авторъ характеризуетъ древне-русское паломничество, какъ выраженіе извѣстной степени умственного развитія народа, его наблюдательности, памятниками которой служатъ записки паломниковъ, и представляетъ краткій очеркъ паломническаго міросозерцанія, содержащагося въ сказаніяхъ о путешествіи къ св. мѣстамъ. Предметы, на которые направлялась наблюдательность нашихъ древнихъ паломниковъ, почти всѣ—религіознаго характера и кругъ ихъ слишкомъ необширенъ. Это—памятники христіанской древности, ветхозавѣтной и новозавѣтной, характера подлиннаго и легендарнаго, святыни храмовъ—мощи, чудотворныя иконы и кресты, св. воды и „чудеса, во очію и до здѣ совершающіяся“ на мѣстахъ святыхъ; всѣ такіе предметы описываются древними паломниками чрезвычайно подробно. На второмъ планѣ находится у нихъ описаніе зданій, служащихъ хранилищемъ упомянутыхъ святынь, а также церковныхъ обрядовъ и обычаевъ востока. Описанія предметовъ, наблюдаемыхъ древними паломниками чрезъ субъективную среду фантазіи и чувства, не тронутую холодной рефлексіей, дышатъ глубокою вѣрою, не допускающею никакихъ возраженій, и съ точки зрѣнія здраваго смысла заключаютъ слишкомъ много несообразностей. Такимъ образомъ древній періодъ въ исторіи нашего паломничества представляетъ господство исключительно религіозныхъ интересовъ при обзорѣ св. мѣсть и безусловной вѣры во все сверхъестественное и чудесное. Къ концу XVII в. это направленіе паломническаго міросозерцанія ветшаетъ и разрушается. Паломники конца XVII и начала XVIII в., вращаясь все въ той же сферѣ,

которая составляла сущность древней паломнической мысли, доходя до самого крайняго компиляторства и безсодержательности, до голаго перечня наблюдаемыхъ предметовъ; вмѣсто прежней пылкой фантазіи, сообщавшей рассказамъ паломниковъ характеръ жизни, простоты и наивности, у нихъ является сухое, искусственное изложеніе; вмѣсто теплаго искренняго благочестія—холодность и какое-то равнодушіе, такъ что слезы и вздохи какъ бы выжимаются насильно или отпускаются по заказу. Какъ фактъ умственной жизни народа, русское паломничество къ началу XVIII в. оказалось такимъ образомъ сухимъ и безжизненнымъ остовомъ, готовымъ рассыпаться; нужна была сила, которая бы сплотила и оживила его. Такою силою въ исторіи русской паломнической мысли авторъ считаетъ извѣстнаго нашего паломника первой половины XVIII в. В. Григоровича-Барскаго. Въ своемъ очеркѣ авторъ особо останавливается еще на двухъ паломникахъ—извѣстномъ старцѣ Арсеніѣ Сухановѣ и московскомъ священникѣ старообрядцѣ Лукьяновѣ, которые стоятъ изолированно въ исторіи паломничества и не могутъ быть причислены ни къ древнему періоду его,—такъ какъ ихъ критическое направленіе и обыденный взглядъ на св. мѣста не подходитъ къ смиренному и благоговѣйному отношенію къ св. мѣстамъ паломниковъ древнихъ,—ни къ новому направленію паломничества, такъ какъ содержаніе и объемъ сказаній ихъ весьма сходны съ содержаніемъ древнихъ паломническихъ сказаній, кромѣ указанной особенности. Авторъ выясняетъ приэтомъ историческія обстоятельства, бывшія для названныхъ паломниковъ побужденіемъ обратить вниманіе преимущественно на темныя стороны жизни востока и въ особенности на описаніе уклоненій грековъ отъ православной церковно-богослужебной практики.

3) *Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ* (до начала XVII столѣтія). Н. Аристова (ЛМ 5—9, стр. 63—76, 136—149, 218—237, 293—311 и 5—19). Въ этомъ очеркѣ сгруппированы авторомъ тщательно выбранные изъ лѣтописей, житій и историческихъ актовъ много-

численные и разнообразныя случаи невольнаго и неохотнаго, а нерѣдко и насильнаго постриженія въ монашество, начавшіяся съ самыхъ первыхъ временъ русской церковно-исторической жизни. Идея аскетизма, принесенная въ Россію изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ, на первыхъ же порахъ столкнулась съ многоженствомъ князей: лишнія жены должны были или снова выходить замужъ, или немолодыя невольно отправляться въ монастырь по примѣру женщинъ Византіи. Подъ вліяніемъ аскетическихъ стремленій, сильно охватившихъ высшій классъ общества, сложилось убѣжденіе, что постриженіе передъ смертью и то душевспасительно, а въ юномъ возрастѣ и подавно: руководясь этимъ правиломъ, первые русскіе подвижники принимали въ монастырь еще въ дѣтствѣ, — слѣдовательно людей, не сознававшихъ этого рѣшительнаго шага въ жизни. Стремленіе въ монастырь могло свободно разрывать брачныя узы: поэтому нерѣдко жена бѣжала отъ мужа въ монастырь поневолѣ, чтобы изъ двухъ золъ выбрать меньшее. Несчастныя отношенія супруговъ вообще представляли въ древней Россіи частыя побужденія идти въ монастырь случайно и неохотно. По необходимости также нѣкоторые бѣжали въ монастыри во время разгара народныхъ страстей и общественныхъ волненій, чтобы спасти свою жизнь и имущество; во время опустошительныхъ войнъ и физическихъ бѣдствій особенно стремились въ монастыри, гдѣ жизнь была сравнительно спокойнѣе, гдѣ святость мѣста защищала отъ тяжкаго плѣна, голода, а иногда насильственной смерти; нищета и бѣдность также часто гнали дѣтей изъ дома родительскаго въ монастырь. Далѣе не мало примѣровъ постриженія передъ смертью, въ болѣзни и изъ желанія загладить въ монастырѣ тяжкія грѣхи: по воззрѣнію нашихъ предковъ постриженіе въ монашество имѣло само по себѣ спасительную силу, способную уничтожить грѣхи человѣка, безъ внутренняго его покаянія и самоочищенія, хотя бы постриженіе совершилось помимо желанія человѣка, хотя бы постригли его въ моментъ кончины. Рано начались также въ Россіи насильныя постриженія въ монашество съ политическимъ расчетомъ,

практиковавшіяся преимущественно княжескимъ произволомъ; впрочемъ и бояре, какъ извѣстно, подражавшіе въ жизни князьямъ, не пренебрегали этимъ средствомъ, чтобы запрятать въ монастырь людей, стоявшихъ имъ поперекъ дороги; даже свободные новгородцы прибѣгали къ этому способу въ видѣ наказанія. Свѣтлый взглядъ на чистоту монашескаго обѣта и сознаніе недостатковъ неохотнаго постриженія были мало развиты даже въ средѣ книжниковъ и князей древней Руси. Безъ сомнѣнія, развиваясь далѣе, здравыя понятія о монашествѣ принесли бы добрые плоды, но настало страшное время татарщины, когда аскетизмъ усилился, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали болѣе часты случаи невольнаго и неохотнаго постриженія. Во все время татарщины, цѣлыя два столѣтія, народъ, бояре и князья, гонимые плѣномъ и поборами, искали убожища въ монастыряхъ; въ дополненіе невзгоды общественной, немолкавшая областная борьба князей тяжело ложилась на народъ и нерѣдко заставляла искать исхода отъ безпокойствъ жизни за стѣнами монастырскими. Въ то же время оставались въ полной силѣ и прежнія побужденія къ невольному постриженію: какъ въ древнѣйшее время, такъ и въ татарскій періодъ мы видимъ немало преступниковъ, стремившихся въ монахи, чтобы загладить старыя грѣхи; принятіе монашества передъ смертью становится какъ бы обычнымъ явленіемъ въ княжескомъ и боярскомъ быту; особенно много народа привлекало въ XIV и XV столѣтіяхъ въ монашество часто повторявшееся грозное моровое повѣтріе, когда вымирало цѣлое населеніе городовъ; число неохотныхъ постриженниковъ увеличилось вдовыми священниками и діаконами, на которыхъ въ XIV столѣтіи образовался особый взглядъ и составились потомъ самыя стѣснительныя правила, заставлявшія ихъ волей-неволей принимать монашество, чтобы удержать за собой санъ. Съ развитіемъ московскаго единовластія, когда начала деспотическія проникли жизнь всѣхъ высшихъ классовъ общества XVI вѣка, распространяясь отъ грознаго самодержца, получившаго окончательно силу надъ всѣми областями Руси, и когда сильные и бо-

гатые бояре стремились подобрать въ свои руки какъ можно больше рабовъ изъ низшихъ классовъ общества, — стали развиваться постриженія боярскихъ людей, съ цѣлью освобожденія отъ рабства. Съ развитіемъ деспотическаго направленія въ московской администраціи умножились также насильныя постриженія политическія и семейныя, бывшія прежде явленіемъ не особенно частымъ. Какъ сами монастыри были въ ненормальномъ положеніи, не держась чужаго византійскаго идеала и не выработавъ собственнаго національнаго, такъ и свѣтскіе правители, имѣя въ душѣ глубокое уваженіе къ идеѣ аскетизма, смѣло нарушали покой мирныхъ обитателей, отсылая туда преступниковъ и опальныхъ лицъ. Грозный дѣлалъ монастырь каторгой, мѣстомъ ссылки и развилъ насильныя постриженія до громадныхъ размѣровъ и крайней уродливости. Многіе, опасаясь царской опалы, заранѣе постригались въ монашество, чтобы сохранить свою жизнь. Система принудительныхъ политическихъ постриженій крѣпко держалась и при преемникахъ Іоанна IV, въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. А въ то время, какъ въ высшихъ сферахъ происходили насильныя постриженія враждебныхъ лицъ претивныхъ партій, изъ расчетовъ личныхъ и корыстныхъ, многіе вѣрные сыны Россіи, среди наступившей общественной сумятицы, принуждены были искать убѣжища въ монастыряхъ отъ грабежей и военныхъ тревогъ. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ придворныхъ сферахъ должны были хотя по виду имѣть отвращеніе къ насильнымъ постриженіямъ, потому что отецъ и мать государя пострижены были по принужденію Борисомъ Годуновымъ. Отвращался также отъ политическихъ постриженій царь Алексѣй Михайловичъ, хотя и онъ иногда удалялъ въ монастыри бояръ вмѣсто ссылки, по какимъ-либо важнымъ проступкамъ. Но если московскіе государи на время оставили принципъ постриженія своихъ женъ и приближенныхъ людей, зато служилыя особы стали дѣйствовать въ духѣ князей XVI столѣтія. Насильныя и неохотныя постриженія теперь становятся популярными въ среднемъ кругу общества, спускаясь изъ практики придворной ниже и ниже; главнымъ побужденіемъ слу-

жать семейные раздоры, заглазная женитьба, разладъ супружескихъ отношеній. Въ XVII столѣтіи усиливаются также невольныя постриженія холоповъ и помѣщичьихъ крестьянъ, съ цѣлью освободиться отъ тягостей рабства, тягла и царской службы, особенно со времени Уложенія. Невольными постриженниками нужно признать и русскихъ раскольниковъ XVII столѣтія, устроивавшихъ свою жизнь по образу монашества, толпами уходившихъ въ лѣса и не только облакавшихся въ черныя ризы, но иногда надѣвавшихъ саваны и ложившихся въ гробы, въ ожиданіи кончины міра. По признанію автора, раскольники сложили у себя новый монашескій строй, нисколько не похожій на восточный, отличающійся жизненнымъ крестьянскимъ бытомъ. Стремленіе къ національному идеалу иноческой жизни и борьба съ нимъ теоретическихъ византійскихъ началъ, по мнѣнію автора, самая интересная сторона въ исторіи русскаго монашества, мало впрочемъ обращающая на себя вниманіе церковныхъ историковъ. Византійскій аскетизмъ, развитый до крайности и по потребностямъ и условіямъ чужой народности, породилъ на русской почвѣ большую путаницу. Ни затворничество, ни общезжитіе не прививались къ русскимъ какъ слѣдуетъ; изъ за послѣдняго происходила въ Новгородѣ чуть не рѣзня въ XVI столѣтіи. Только немногіе крупныя русскіе монастыри, держась практическихъ цѣлей, приобрѣли громаднѣйшій вѣсъ и національное значеніе, проводя духовное развитіе и образованіе въ народъ, прокармливая въ голодныя годы цѣлыя тысячи людей, подавая больнымъ лѣкарства и исцѣленія, заводя промышленныя и торговыя предпріятія на громадныя суммы.

Невольныя и неохотныя постриженники были плохимъ приобретіемъ для монастырей и недостойной жертвой Богу. Паденіе нравственной жизни въ монастыряхъ и усиленіе беспорядковъ много зависѣло отъ невольнаго и неохотнаго постриженія, особенно высшаго класса лицъ. Въ XVII столѣтіи распущенность монашескихъ нравовъ дошла до невѣроятной степени. Обитатели представляли изъ себя полнѣйшій хаосъ, какой едва можетъ представить самая бой-

кая фантазія. Безчинства, буйство и разбои чернецовъ, пьянство и бродяжничество ихъ, притворное юродство, нарушеніе обѣта цѣломудрія и другія злоупотребленія монашескимъ саномъ были заурядными явленіями. Русскій народъ, чуткій къ ненормальнымъ явленіямъ жизни, видѣлъ все это несообразное поведеніе монаховъ и воспроизвелъ его въ своихъ сатирическихъ пѣсняхъ, отличающихся иногда трагическимъ оттѣнкомъ, если рѣчь шла о неохотныхъ постриженникахъ и монахиняхъ, выбравшихъ житіе чернецкое не по доброй волѣ. Не заблуждаясь на счетъ жизни чернецовъ, народъ на картинѣ страшнаго суда обрекалъ ихъ первыми въ адскую пропасть. Онъ зналъ, что въ монастыряхъ мужскихъ и женскихъ были цѣлыя сотни лицъ, желавшихъ свергнуть съ себя ангельскій образъ и возвратиться въ міръ; поэтому сложилъ хороше водныя пѣсни и игры на счетъ неохотныхъ постриженниковъ, представляющія, какъ они стремятся въ монастыри и потомъ съ какимъ нетерпѣніемъ желаютъ разстричься.

Какъ мы видимъ, авторъ включилъ въ свой очеркъ и XVII столѣтіе. хотя въ заглавіи статьи предположилъ ограничить ее только началомъ этого вѣка. Онъ намѣчаетъ затѣмъ положеніе избраннаго имъ предмета и въ XVIII столѣтіи. При Петрѣ Великомъ было много несчастныхъ, пострадавшихъ отъ насильнаго постриженія по волѣ государя; въ правительственной сферѣ созрѣло въ то время административно-полицейское воззрѣніе на монашество и сдѣлалось преобладающимъ надъ монашескими и чисто народными идеалами. Іоаннъ Грозный сознавалъ необходимость учрежденія монашества и, постригая насильно, оправдывалъ свои дѣйствія изреченіемъ Дѣстичника; напротивъ Петръ Великій, съ практической точки зрѣнія, считалъ черный чинъ бесполезнымъ и прибѣгалъ къ невольному постриженію, какъ къ удобному способу лишить человѣка правъ. Онъ воображалъ, что всѣ постригаются невольно и неохотно, ради избыванія мірскихъ тягостей, бѣгутъ отъ рекрутчины, худыхъ женъ, долговъ и т. п., и подъ вліяніемъ этого односторонняго воззрѣнія сталъ стремиться къ уничтоженію монашества или къ крайнему его

ограниченію. Изъ монастырей задумали устроить не разсадники и центры народнаго просвѣщенія, а госпитали, инвалидныя дома и остроги для преступниковъ. Явилось много распоряженій для ограниченія прежнихъ льготъ чернецовъ и для возможно большаго сокращенія числа неохотныхъ постриженниковъ. Но съ другой стороны крайнія мѣры Петра вызвали новыя побужденія къ невольному постриженію. Прежде всего стали искать спасенія въ монастыряхъ отъ тяжелаго солдатскаго житья, не только люди простые, но и дворяне. Между приказными появлялись стремившіеся въ монастырь, чтобы оторваться отъ прикованнаго положенія къ одному и тому же стулу до гробовой доски. Постоянная волокита отъ приказнаго суда и частыя обвиненія людей невинныхъ по дѣлу государеву также служили причинами побѣга въ раскольничьи скиты или въ православныя монастыри. Послѣ Петра Великаго политическихъ постриженій насчитывается очень мало; но хотя рѣдко постригали насильно, сообразно съ болѣе гуманными правилами, за то весьма часто заключали въ монастыри различныхъ лицъ подъ крѣпкой карауль, вмѣсто крѣпостей и тюремъ. Руководяція начала петровскаго законодательства о монашествѣ оставались основой для правительственныхъ распоряженій, еще болѣе стѣснившихъ постриженіе въ чернечество. Было предписано — никакихъ чиновъ не постригать, кромѣ вдоваго духовенства и отставныхъ солдатъ. Монашество сдѣлалось игрушкой въ рукахъ свѣтской власти, состоявшей тогда изъ вѣмцевъ, считавшихъ русскіе монастыри ненужными и опасными для государства, т. е. собственно для самихъ себя, и воздвигшихъ настоящее гоненіе на наше духовенство и монашество. Всѣ такія распоряженія правительства привели къ тому, что по монастырямъ остались одни дряхлыя и увѣчныя иноки, ни на что не способные. По особому ходатайству Синода стѣснительныя указы о постриженіи съ 1740 г. были ослаблены. При Екатеринѣ II дозволено было принимать въ монахи изъ всѣхъ сословій и постригаться по добровольному желанію лицамъ обоюго пола; но закрывъ 569 изъ 954 великорусскихъ монастырей и назначивъ въ

нихъ штатное число монаховъ и опредѣленное содержаніе, императрица сразу отбила желаніе у многихъ неохотныхъ постриженниковъ идти на привольное житье въ монастыри. Число монаховъ невольныхъ и искреннихъ изъ низшаго и средняго классовъ народа сильно сократилось, — за то значительно увеличилось количество неохотныхъ постриженниковъ изъ ученаго духовнаго общества. Екатерина II отмѣнила нѣкоторые строгіе законы Петра Великаго и для ученыхъ монашеской чинъ сдѣлала привлекательнымъ; ученые монахи получили право на пріобрѣтеніе личнаго имущества; высота сана, власть надъ другими, богатство и карьера невольно, какъ бы магнетически притягивали къ себѣ ученыхъ честолюбцевъ. — Невольное и неохотное постриженіе въ монашество, замѣчаетъ авторъ въ заключеніе очерка, не потеряло своего значенія и до настоящей поры: много еще осталось побужденій идти въ монастырь, скрѣпя сердце, и если бы наличные монахи и монахини выяснили откровенно, какимъ путемъ они пришли къ св. воротамъ, мы имѣли бы предъ глазами грустную и поразительную картину людскаго горя и страданій, лѣни и распущенности.

4) *Колдовство въ XVII и XVIII столѣтіяхъ* (Изъ архивныхъ дѣлъ). Г. Есипова (№№ 9—11, стр. 64—70, 157—164, 234—244). Авторъ излагаетъ нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ о волшебствѣ, заговорахъ, порчѣ, рисующихъ бытовую сторону того времени, въ которой убѣжденіе въ силу колдовства, въ связи съ религіозными вѣрованіями и отсутствіемъ образованія, было принадлежностію всего русскаго общества. Вотъ перечень разсказанныхъ дѣлъ: 1) Чародѣи С. Даниловъ и бояринъ С. Стрѣшневъ, 1647 г. 2) Колдовство на царей Ѳедора и Петра Алексѣевичей. 3) Колдовство боярыни А. Ѳ. Волынской, 1698. 4) Колдунъ-рыбакъ М. Аванасевъ, 1708 г. 5) Колдовство лягушкою, 1752. 6) Корешокъ въ спальнѣ императрицы Елизаветы Петровны. 7) Волшебство солью въ домѣ царевны Грузинской, 1754.

5) *Изъ дѣлъ XVIII столѣтія*. И. Морощкина (№ 3, стр. 277), и дополнительное письмо въ редакцію его же (№ 6). Крат-

кій экстрактъ изъ дѣла нижегородскаго протопопа В. Иванова, подавннй императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ чрезъ графа А. Шувалова въ 1755 году,—любопытный для исторіи епархіальной администраціи въ XVIII ст. и для характеристики епископа Дмитрія Сѣченова, извѣстнаго въ свое время подъ именемъ либерала и передоваго архіерея. Упомянутый протопопъ въ 1752 г. подалъ всеподданнѣйшую жалобу на Сѣченова, насильно принуждавшаго его къ поступленію въ монашество. Черезъ два года онъ возобновилъ свою просьбу; сынъ его, священникъ, также подалъ объ этомъ дѣлѣ, въ 1754 и 1755 гг., два прошенія, описывая въ нихъ бѣдствія своего отца и собственныя. За нежеланіе принять противъ воли монашество, отецъ былъ „содержанъ въ тюрьмѣ шесть лѣтъ въ оковахъ и битъ смертными поби, и во оныя лѣта ни на какіе торжественныя дни свободы не имѣлъ, и св. Таинъ приобщаться къ престолу Господню приступалъ во облаченіи скованъ“; домъ ихъ былъ разоренъ, деньги, какія „имѣлись на крестьянахъ за пожни по векселямъ, его преосвященство забралъ къ себѣ, безо всякаго резона“, и т. п. Просьбы не достигли цѣли: дѣло по жалобамъ просителей передавалось въ св. Синодъ, гдѣ въ числѣ членовъ состоялъ и Дмитрій Сѣченовъ.

6) *Драматическія произведенія Георгія Конисскаго*. Н. Петрова (№ 11, стр. 245—256). Извѣстная въ печати трагедо-комедія о воскресеніи мертвыхъ, составленная Конисскимъ въ 1747 г. въ бытность его учителемъ кievской академіи, разсмотрѣна по академическому списку, имѣющему ту особенность, что въ немъ послѣ каждаго дѣйствія вставлены интерлюдіи, въ народномъ духѣ, писанныя или самимъ Конисскимъ, или подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Трагедокомедія и интерлюдіи разсмотрѣны въ ихъ взаимномъ отношеніи между собою и въ связи съ соотвѣтствующими имъ явленіями тогдашней литературы; въ заключеніе переданъ текстъ интерлюдій въ подлинномъ его видѣ.

7) *Народное просвѣщеніе въ тамбовской губерніи во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій*. И. ^{И.} Дубасова

(№ 12, стр. 333—341). Очерчены образовательныя средства, которыми владѣль тамбовскій край съ 1786 года и переданы въ заключеніе нѣсколько случаевъ, дающихъ понятіе о былой умственно-нравственной жизни тамбовскихъ дворянъ, чиновниковъ и духовенства въ означенное время.

8) *Къ исторіи противоцерковныхъ движеній въ тамбовской губерніи*. И. Дубасова (№ 8, стр. 311—315). Изложенныя здѣсь по мѣстнымъ архивнымъ документамъ, отрывочныя факты даютъ нѣсколько чертъ для личной характеристики тамбовскихъ сектантовъ и раскольниковъ первыхъ трехъ десятилѣтій настоящаго столѣтія,—имѣвшихъ въ своей средѣ наряду съ глубокими энтузіастами и такихъ, которые твердо и лучше всего помнили о своихъ матеріальныхъ интересахъ; говорится также о безцеремонномъ обращеніи съ ними полицейской власти, содѣйствовавшей только большому развитію сектанства, и о прошлой дѣятельности мѣстнаго духовенства по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ, которая была невысокаго характера. Многіе священники, попадавшіе въ сектантскіе приходы, извлекали для себя изъ этого матеріальныя выгоды и на этомъ останавливались; иные же изъ нихъ, не желая нравственно вліять на свою поколебавшуюся паству, или же не имѣя на это никакой возможности, дѣйствовали чисто полицейскимъ образомъ, брали съ собою сотскихъ, десятскихъ, и „накрывали“ какое нибудь тайное собраніе, а то просто только доносили на сектантовъ духовному начальству.

9) *Скопецъ Будылинъ*. И. Дубасова (№ 7, стр. 250—251). Нѣсколько свѣдѣній о Будылинѣ, какъ одномъ изъ видныхъ дѣятелей среди тамбовскихъ скопцевъ, въ 1820 годахъ, возимѣвшемъ потомъ мысль—выдать всѣ скопческія секты и самихъ сектантовъ начальству и тѣмъ заслужить прощеніе. Къ несчастью для него, эту мысль пришлось ему выполнить не совѣмъ добровольно: въ концѣ 1828 г. его поймали и онъ поневолѣ долженъ былъ всячески смягчать свои вѣны.

10) *Движеніе впередъ въ сектѣ скопцевъ*. А. Забѣлина (№ 2,

стр. 130 — 138). Рассказавъ кратко исторію громаднаго дѣла о скопцахъ, разбиравшася въ 1876 году въ г. Мелитополѣ, таврич. губ., авторъ разсматриваетъ потомъ исторію этой противобщественной секты и сущность скопческаго вѣроученія и указываетъ на особенности Мелитопольскаго процесса, обнаруживающія, что въ настоящее время скопчество находится въ новомъ фазисѣ развитія и что два изъ существенныхъ его догматовъ уже пошатнулись. Доселѣ скопцы тщательно скрывали свое вѣроученіе; теперь они открыто предъ цѣлымъ судомъ его исповѣдуютъ. Прежде они признавали обязательнымъ оскотленіе, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ: вновь явившійся въ Мелитопольскомъ судѣ исповѣдатель Лисинъ благословлялъ оскотленіе мужчинъ, но запрещалъ совершать подобную операцію надъ женщинами, и между мелитопольскими подсудимыми не было ни одной оскотленной женщины. Послѣ такихъ важныхъ шаговъ, скопчество для невѣжественнаго народа, по мнѣнію автора, будетъ еще опаснѣе. Многихъ страшила физическая боль и опасность смерти отъ варварской операціи: съ ея уничтоженіемъ скопчество стяхнетъ съ себя свою отвратительную внѣшность и можетъ сдѣлаться весьма заманчивымъ для простыхъ людей съ настроеніемъ къ подвижнической жизни и къ сверхъестественнымъ видѣніямъ и вдохновеніямъ. Въ виду этого крайне необходимо хотъ что нибудь сдѣлать противъ зла, грозящаго благосостоянію общества. Ждать возвышенія умственнаго и нравственнаго уровня всего народа придется еще долго, народныя школы слишкомъ еще слабы, остается прибѣгнуть къ помощи духовныхъ врачей, — и вмѣсто того, чтобы только порицать, всѣ должны протянуть имъ руку помощи, кто въ видѣ совѣта, кто въ видѣ нравственнаго и вещественнаго содѣйствія.

Разбить скопчество на всѣхъ пунктахъ его вѣроученія, говоритъ авторъ, не стоитъ ничего: нелѣпость и безобразіе его слишкомъ рѣзко бросаются въ глаза всякому человѣку, не лишенному здраваго смысла. Но разбивши ложь, надо умѣть насадить въ темныхъ умахъ истину и внести въ скорбящія сердца утѣшеніе. Изъ ученія скопцовъ видно, что народъ жаждетъ

утѣшенія ужь если не въ настоящей, то хоть въ будущей жизни, и для этого онъ готовъ переносить даже такіа мученія, какъ страданія отъ варварской операціи осклопенія. Дайте же ему утѣшеніе въ живомъ и сочувственномъ словѣ, а не въ риторской проповѣди, въ живой, а не въ обрядовой молитвѣ. Народъ жаждетъ общенія съ живымъ Батюшкою-Богомъ и готовъ поклоняться даже бѣглому каторжнику Селиванову. Укажите ему общеніе съ Богомъ въ совершеніи таинствъ: объясните ему только литургію, и онъ будетъ стремиться въ церковь для общенія съ живымъ Богомъ. Только объясненная литургія разовѣетъ простаго человѣка нагляднымъ образомъ лучше, чѣмъ-школьное ученіе всей церковной исторіи и катихизиса. Крестьянинъ въ своей церкви долженъ знать значеніе и смыслъ не только каждаго дѣйствія, но и каждаго изображенія, каждой вещи. Тогда только онъ не пойдетъ въ расколъ, ибо церковь наполнитъ всю его жизнь. Тогда только онъ полюбитъ своего пастыря и будетъ во всемъ помогать ему отъ души. При такомъ взаимодействіи клира и міра расколъ потеряетъ свою привлекательную силу.

11) *Библия и народъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою въ предѣлахъ югозападнаго края Россіи.* Свящ. А. Хойнацкаго (№ 7, стр. 173—201). Статья посвящена вопросу объ отношеніи южно-русскихъ поселянъ къ свящ. Писанію, вопросу, заслуживающему, по мнѣнію автора, особеннаго вниманія въ настоящее время, когда народъ переживаетъ переходный періодъ не только въ своемъ положеніи гражданскомъ и экономическомъ, но и въ вѣковыхъ своихъ міросозерцаніяхъ — религіозныхъ, эпическихъ и т. д., такъ что изъ прежнихъ воззрѣній его на Слово Божіе многія черты сами собою или совсѣмъ затеряются, или же получаютъ новый колоритъ и направленіе. Статья трактуетъ о томъ, что знаетъ южно-русскій народъ о библіи,—о степени народнаго знакомства съ внутреннимъ библейскимъ содержаніемъ,—о томъ, какъ смотрятъ южно-русссы на библію,—и о томъ, какъ воспринимается ими содержаніе слова Божія.

12) *Письмо архієпископа Евгенія Казанцева къ члену св. Синода архієп. Аврааму*, отъ 19 іюня 1826 г. (№ 4, въ отдѣлѣ „Замѣтокъ“),—относительно секретнаго переложенія въ новый гробъ и перенесенія на новое мѣсто тлѣнныхъ останковъ тѣла

митрополита Іоанна Максимовича („которому здѣсь, пишетъ преосвященный, такъ велика вѣра, что многія носятъ чудеса“), склепъ котораго пришлось потревожить при осмотрѣ соборнаго фундамента.

V. Историческая библіотена.

1) *Изъ масонскаго ритуала начала настоящаго столѣтія* (ноябрь, стр. 1—29). Н. Барсова. Изложенъ въ подробностяхъ обрядъ принятія въ ученическую степень свободнаго каменщичество, практиковавшійся въ какой либо изъ извѣстныхъ масонскихъ ложъ въ Россіи. Ритуаль не русскаго происхожденія, а только переведенъ на русскій языкъ съ нѣмецкаго; по словамъ автора, если не переводъ, то его редакція принадлежала извѣстному Лопухину.

VI. Университетскія извѣстія (Кіевскія)

1) *Хроника Дитмара, какъ источникъ для русской исторіи*, Голубовскаго (сентябрь, прибавленія: сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владимира, стр. 27—40).

2) *О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ*. И. Хрущова (мартъ, май, іюнь, октябрь). Продолженіе начатаго съ 1877 году изслѣдованія. Разсматриваются сказанія XII столѣтія, между прочимъ и церковныя сказанія.

3) *Афанасій Филипповичъ, игуменъ Брестъ-Литовскій, и его дѣятельность въ защиту православія противъ уни.* О. Левицкаго (май, стр. 433—462). Задача статьи—возсоздать чрезвычайно интересный, хотя обыкновенно обходимый историками молчаніемъ, образъ упомянутаго ревностѣйшаго борца за православіе, по энергіи близко напоминающаго знаменитаго Іоанна Вишенскаго, всю жизнь словомъ и дѣломъ борющагося противъ уни и наконецъ мученическою смертію запечатлѣвшаго непоколебимую вѣрность своему призванію.

Это былъ человекъ, искренно преданный вѣрѣ отцевъ и потому возмущавшійся до глубины души тѣмъ безправнымъ положеніемъ православія въ югозападной Руси, въ какомъ оно находилось въ его время, послѣ провозглашенія Брестской униі 1596 г. Мечтатель и энтузіастъ отъ природы,

одаренный къ тому же пылкимъ и рѣшительнымъ характеромъ, Филиповичъ не удовлетворялся тѣми частными и единичными мѣрами, которыя были предпринимасмы православными для защиты тѣхъ или другихъ правъ восточной церкви: его идеаломъ было „грунтовное успокоеніе“ православія въ предѣлахъ польскаго государства и полное уничтоженіе уніи. Воспитанный въ традиціяхъ вѣка Острожскихъ, Киселей и Древинскихъ, онъ не признавалъ другихъ средствъ къ достиженію этого идеала, кромѣ постоянного воздѣйствія на правительство путемъ шумныхъ манифестацій на сеймахъ, громовыхъ рѣчей, торжественныхъ посланій и проч., и потому, не замѣчая ни у кого изъ лицъ высшаго православнаго духовенства попытокъ къ подобнымъ дѣйствіямъ, онъ, подобно Вишенскому, бросаетъ имъ въ лице рѣзкія обвиненія въ равнодушіи къ своему дѣлу, въ пристрастіи къ житейскимъ интересамъ, и самъ лично выступаетъ въ роли защитника и борца противъ уніи и притомъ со всею страстностью, свойственною борьбѣ за собственное существованіе. Чтобы дать понятіе о силѣ этой страстности, достаточно упомянуть, что Филиповичъ, человѣкъ весьма разсудительный и къ тому же образованный, подъ вліяніемъ жгучаго чувства религіозной ревности, впадаетъ въ крайній мистицизмъ, часто созерцаетъ сверхъестественныя видѣнія и подъ конецъ жизни начинаетъ считать себя лицомъ непосредственно посланнымъ самимъ Богомъ для искорененія уніи. Точно также и приемы, употребляемые имъ для защиты православія, отличаются крайнею эксцентричностью, свидѣтельствующею о необыкновенной его возбужденности, какъ напр. его манифестація на сеймахъ съ чудотворнымъ образомъ, добровольное юродство, бѣганіе по Варшавскимъ улицамъ съ неистовыми криками и пр.

VII. Журналъ Министерства Народнаго Прствѣщенія.

1) *Русско-византійскіе отрывки В. Васильевскаго* (январь, стр. 86—154, февраль, стр. 277—306, мартъ, стр. 128—181). Продолженіе труда. Разсматриваются: VII. „Житіе Іоанна Готскаго“. Кромѣ перевода житія и обширныхъ ученыхъ объясненій къ тексту его, авторъ, для удобнѣйшаго изученія этого важнаго памятника, касающагося истории готской епархіи въ Крыму, останавливается на разсмотрѣніи не довольно разъясненныхъ доселѣ вопросовъ—о происхожденіи готскаго поселенія въ Крыму и о времени основанія православной готской епархіи на южномъ берегу полуострова. VIII. „Житіе Георгія Амастридскаго“ (По неизданному греч. подлиннику).

Путемъ тщательнѣйшаго анализа житія авторъ приходитъ къ разрѣшенію вопросовъ о составѣ его, о времени его написанія, объ авторѣ, что между прочимъ разъясняетъ вопросъ о находящемся въ концѣ житія извѣстїи о нашествїи Руси на Амастриду и случившемся при этомъ чудѣ, — нашествїи, которое одними приурочивается къ походу Аскольда на Византію, что было не ранѣе 865 года, другими относится къ до-рюриковскимъ временамъ. Такъ какъ житіе появилось не позднѣе 842 года и такъ какъ все оно отъ начала до конца, не исключая и посмертныхъ чудесъ, составляетъ одно неразрывное цѣлое, написанное за одинъ разъ, то слѣдуетъ признать, что и нашествіе Россовъ, о которомъ идетъ рѣчь, совершилось ранѣе 842 года.

2) *О критическомъ значенїи Архангельскаго евангелія, хранящагося въ Московскомъ Румянцевскомъ музее.* А. Дювернуа (окт., стр. 181—219). Говорится объ отношенїи недавно найденнаго апракоса 1092 г. къ древнѣйшимъ спискамъ евангелія какъ старо-славянскимъ, такъ и древне-русскимъ, и о мѣстѣ, которое занимаетъ онъ въ средѣ изданныхъ и неизданныхъ старо-славянскихъ списковъ евангелія, не престающихъ предѣла XI столѣтїя.

3) *О такъ называемой рукописи патріарха Филарета.* А. Кондратьева (сент., стр. 21—83). Изслѣдованіе рукописи между прочимъ приводитъ автора къ несомнѣнному заключенію, что она не могла быть составлена патріархомъ Филаретомъ, какъ обыкновенно полагаютъ, что патріархъ не былъ также и исправителемъ рукописи, которая Филаретовскою можетъ назваться развѣ только потому, что составлялась въ патріаршество Филарета, между 1630—1633 г.

4) *О школахъ и просвѣщенїи въ патріаршїй періодъ.* Гр. Мирковича (іюль, стр. 1—62). Въ этой статьѣ представляютъ интересъ стр. 22—30, на которыхъ передается содержаніе рукописнаго сочиненія конца XVII вѣка о томъ, что „лучше російскимъ людямъ учиться греческаго языка, а не латинскаго“ (рукоп.

новг. соф. библ. № 423). Въ остальномъ мало найдется новаго для читателя, знакомаго съ известной статьей „о духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII столѣтїи“, съ первыми главами „Исторїи московской славяно-греко-латинской академіи“ Смирнова и съ изслѣдованіемъ Мордовцева о русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка; нѣкоторыя другія очень важныя изслѣдованія объ училищахъ XVII в. (напр. Буданова „Государство и народное образованіе въ Россїи въ XVII в.“, Лавровскаго „Памятники стар. русскаго воспитанія“ и др.), повидимому были неизвѣстны автору. Довольно многія весьма любопытныя данныя для исторїи школьнаго дѣла въ XVII столѣтїи, существующія въ печати, также не вошли въ статью. Прибавимъ затѣмъ, что сочинитель не всегда считаетъ неприличнымъ дѣломъ не указывать авторовъ, соображеніями и данными которыхъ онъ пользуется, иногда буквально (напр. статьей Л. Майкова о Симеонѣ Полоцкомъ, сочиненіемъ Терновскаго „Изученіе Византійской исторїи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси“; или въ концѣ своей статьи, на стр. 57—60,—„продолживъ свой трудъ за патріаршій періодъ“, что „заставила“ его сдѣлать „скудость свѣдѣній о новгородскихъ школахъ въ петровское время и продолженіе дѣятельности въ нихъ лицъ XVII вѣка, тѣхъ же Лихудовъ“,—авторъ изложилъ нѣсколько историческихъ данныхъ объ упомянутыхъ школахъ, но приэтомъ позволилъ себѣ утаить, что онъ воспользовался, по мѣстамъ дословно, нашей статьей о „новгородскихъ епархіальныхъ школахъ въ Петровскую эпоху“, напечатанной въ Христ. Чтенїи 1877 г.).

5) *О свѣтскихъ фискалахъ и духовныхъ инквизиторахъ.* Т. Барсова (февраль, стр. 307—400). Вторая половина изслѣдованія представляетъ первый въ церковно-исторической русской литературѣ цѣльный очеркъ института инквизиторовъ по духовному вѣдомству, существовавшаго въ первые годы синодальнаго управленія и организованнаго на общихъ основаніяхъ съ учрежденіемъ фискальной системы при свѣтскихъ государственныхъ установлені-

яхъ. Пользуясь кромѣ печатныхъ источниковъ архивными докумен-
тами св. Синода, авторъ говоритъ о личномъ составѣ инквизитор-
скаго управленія, о порядкахъ избранія и назначенія протоинкви-
зиторовъ, провинціаль-инквизиторовъ и инквизиторовъ, о приказѣ
инквизиторскихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточивалось правленіе
инквизиторскаго дѣла, объ обезпеченіи инквизиторовъ, объ обяза-
ностяхъ и правахъ ихъ, о производствѣ дѣлъ по ихъ донесені-
ямъ и о подсудности инквизиторовъ. Кругъ дѣятельности и обя-
занностей духовныхъ инквизиторовъ былъ тотъ же, какъ и кругъ
дѣятельности и обязанностей свѣтскихъ фискаловъ. Въ составлен-
ной для нихъ инструкціи были повторены основныя законоположе-
нія относительно фискальной должности, заимствованныя изъ указа
17 марта 1714 г. о должности фискаловъ, изъ генеральнаго ре-
гламента о дѣятельности коллежскихъ фискаловъ и изъ воинскаго
устава о должности полковыхъ фискаловъ. Наблюденію инквизито-
ровъ подчинялись всѣ люди и предметы духовнаго вѣдомства безъ
различія чина, званія и положенія. По духу и содержанію ин-
струкціи инквизиторовъ, они должны были составить такіе органы,
посредствомъ которыхъ св. Синодъ могъ бы не только вѣдать и
знать, но и контролировать и предупреждать всякія нарушенія ука-
зовъ, всякія противозаконныя дѣянія, противныя интересу церков-
ныхъ установленій. Что касается вопроса о томъ, насколько на
самомъ дѣлѣ инквизиторы оправдали въ этомъ отношеніи желанія
и мысли правительства, то приводимыя въ статьѣ фактическія дан-
ныя обнаруживаютъ, что полезныя результаты дѣятельности инкви-
зиторовъ далеко не покрывали собою тѣхъ печальныхъ слѣдствій,
какія причиняли другіе инквизиторы своими „продерзостными и
непотребными поступками и злоупотребленіями“. Если вообще въ
современномъ обществѣ, среди котораго пришлось жить и дѣйстви-
вать духовнымъ инквизиторамъ, не много было условій къ воспи-
танію въ себѣ каждымъ чувства самоуваженія и благородства дѣй-
ствій, если стоявшіе на высшихъ ступеняхъ государственной службы
платили дань своему времени, будучи обвиняемы и обличаемы въ

лихоимствѣ, взяткахъ, казнокрадствѣ, превышеніи власти, неуваженіи къ закону и общественному порядку, то сдѣлается достаточно яснымъ, почему и духовные инквизиторы одинаково съ свѣтскими фискалами оставили по себѣ печальную память. Уполномоченные закономъ „надсматривать“ за другими и доносить на всѣхъ казавшихся подозрительными, инквизиторы видѣли въ своемъ положеніи много соблазна къ тому, чтобы не слишкомъ строго относиться къ своему поведенію и не давать себѣ отчета въ каждомъ своемъ дѣйствіи. Полагаясь ли на свою независимость отъ мѣстныхъ духовныхъ властей, или увлекаясь своимъ значеніемъ, они позволяли себѣ чинить разныя насилія и притѣсненія духовнымъ лицамъ и въ короткое время существованія инквизиторскаго института совершали массу злоупотребленій, иногда самаго возмутительнаго и скандальнаго свойства. Подобныя явленія привели вскорѣ св. Синодъ къ мысли объ отмѣнѣ самой инквизиторской должности, и 15 марта 1727 года состоялось слѣдующее опредѣленіе: „...отъ инквизиторовъ не только пользы церкви святой до нынѣ не явилось, но уже и ясно многіе показали ихъ такому званію весьма противныя и общему народу гнусныя дѣла...; того ради какъ въ синодальной области, такъ и во всѣхъ епархіяхъ, всѣхъ провинціаль-инквизиторовъ и инквизиторовъ отъ дѣлъ ихъ до указа отрѣшить“. Послѣ того институтъ духовныхъ инквизиторовъ уже болѣе не возобновлялся, хотя и были попытки въ его возстановленію со стороны оберъ-прокурора св. Синода князя Шаховскаго, въ 1745 и 1747 годахъ.

VIII. Русскій Вѣстникъ.

1) *Мыслия Посошкова о религии и церкви.* А. Брикнера (іюнь, стр. 465 — 532). Статья дѣлится на слѣдующія четыре главы: I. „Религіозныя понятія Посошкова и Домострой“. Здѣсь сначала показывается полное согласіе между религіозными наставленіями „Отеческаго Завѣщанія“ и ученіемъ Домостроя: въ томъ и другомъ сочиненіи о внѣшнемъ отношеніи къ дѣлу говорится мно-

го, о внутреннемъ мало, вѣра полагается главнымъ образомъ во вѣшной набожности и главныя правила относятся къ тому, какъ человекъ долженъ вести себя при религіозныхъ обрядахъ, при посѣщеніи церкви, при молитвѣ и т. п. Такимъ образомъ въ продолженіе почти двухъ столѣтій, которыя прошли между составленіемъ Домостроя и появленіемъ Посошкова „Отеческаго Завѣщанія“, основныя понятія о религіи не измѣнились въ народѣ. Благодаря развитію въ этотъ промежутокъ времени протестантизма и раскола, обращеніе вниманія на вѣшнюю обрядность заняло въ сочиненіяхъ Посошкова даже болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ Домостроѣ. Далѣе статья отмѣчаетъ антагонизмъ, въ какомъ стояли домостроевскія и византійскія понятія Посошкова къ религіознымъ воззрѣніямъ Петра Великаго и Ѳеофана Прокоповича.—II. „Посошковъ о протестантизмѣ“. Въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ о лютеранахъ говорится часто и чрезвычайно рѣзко. Посошковъ раздѣлялъ вполне предразсудки господствовавшіе въ народѣ, между тѣмъ какъ правительство, сознававшее необходимость сближенія съ западомъ и ученія у иностранцевъ, смотрѣло на „нѣмцевъ“ съ другой точки зрѣнія, обнаруживало терпимость, позволяя сначала протестантамъ, затѣмъ и католикамъ строить церкви и отправлять богослуженіе.—III. „Посошковъ о расколѣ“. Къ раскольникамъ Посошковъ относился еще строже. Статья указываетъ въ главныхъ чертахъ содержаніе „Зерцала“, въ которомъ Посошковъ трактуетъ о раскольникахъ съ догматической точки зрѣнія и подробно излагаетъ содержаніе особой записки Посошкова о раскольникахъ, гдѣ онъ стоитъ на почвѣ практической политики и предлагаетъ цѣлый рядъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, отличающихся неумолимою строгостью. Читателямъ „Христіанскаго Чтенія“ эта записка уже извѣстна изъ нашей статьи „о двухъ неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова“ (1878, № 1). Обозрѣвъ затѣмъ указы и мѣропріятія правительства относительно раскола, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ области практики, администраціи оказывается нѣкоторое сходство между соображеніями Петра и предложеніями Посошкова; но

последній руководствовался исключительно религиозными побужденіями, тогда какъ для правительства на первомъ планѣ были соображенія государственнаго интереса.—IV. „Посошковъ о бытѣ духовенства“. Разсматриваются мнѣнія Посошкова по этому предмету, изложенныя „во второмъ“ посланіи его къ Стефану Яворскому, — нашимъ читателямъ также извѣстномъ изъ вышеупомянутой статьи „Христ. Чтенія“, — и повторенныя имъ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“. Мнѣнія и отзывы Посошкова о бытѣ духовенства вполнѣ соответствовали взглядамъ просвѣщенныхъ и замѣчательныхъ дѣятелей того времени, были согласны съ строгою критикою знаменитаго и высокостоявшаго архимандрита Θεодосія, ученаго и остроумнаго Θεοφана Прокоповича, самого Петра. Изъ узаконеній и предписаній правительства, изъ духовнаго регламента, изъ переписки царя съ Курбатовымъ, Пятиримомъ и пр. видно, что лучшіе люди того времени думали о реформахъ духовенства въ томъ самомъ духѣ, какъ мечталъ о нихъ Посошковъ. Мѣткость и справедливость сужденій Посошкова на этотъ счетъ достойны вниманія особенно потому, что въ области догматики, въ вопросахъ о терпимости, о религиозномъ просвѣщеніи Посошковъ былъ ограниченнымъ, остальнымъ представителемъ домостроевскихъ понятій въ противоположность болѣе свѣтлымъ взглядамъ Петра и Θεοφана.

2) *Мнѣнія Посошкова о нравственности и воспитаніи.* А. Брикнера (августъ, стр. 529—549). Посошковъ о воспитаніи говоритъ почти исключительно въ „Отеческомъ Завѣщаніи“. Совѣты его не представляютъ системы: правила гигиеническія, правила учтивости въ обществѣ, правила настоящей нравственности слѣдуютъ другъ за другомъ безъ особеннаго порядка. Въ области вопросовъ нравственности и воспитанія міросозерцаніе Посошкова также значительно проникнуто понятіями въ духѣ Домостроя. Главное начало педагогической системы Домостроя — страхъ, безусловное послушаніе, главное педагогическое средство — побой; играть съ дѣтьми, смѣяться, шутить — считается грѣхомъ, соблазномъ. Такіе же строгіе приемы встрѣчаются и у Посошкова, хотя, какъ

видно изъ его же замѣчаній, въ народѣ смотрѣли на этотъ предметъ иначе. Но въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ говорится не только о нравственномъ воспитаніи, а и объ умственномъ развитіи дѣтей, и въ этомъ случаѣ замѣчанія Посошкова обнаруживаютъ въ немъ многосторонность и любознательность, выходящія изъ узкой рамки домостроевскихъ понятій. Въ совѣтахъ объ отношеніяхъ мужа къ женѣ Посошковъ также стоитъ выше Домостроя; о побояхъ, о наказаніи жены плетью у него уже не говорится.—Далѣе въ статьѣ проводится сравненіе по общему характеру и содержанию между Отеческимъ Завѣщаніемъ и другими памятниками дидактической литературы петровской эпохи.— „Поученіемъ посланному въ дальнія страны сыну“ (до послѣдняго времени приписывалось Посошкову и напечатано въ ряду его сочиненій) и „Духовной“ Татищева. Въ нихъ также обсуждаются вопросы педагогики и нравственности, но они построены на совсѣмъ иной почвѣ и отражаютъ на себѣ сильное вліяніе реформы Петра, долженствовавшей измѣнить кругозоръ русскаго общества и разрушить значительную долю понятій до-петровской эпохи.

IX. Вѣстникъ Европы.

1) *Фотій Спасскій, Юрьевскій архимандритъ. Историко-біографическій очеркъ С. Миропольскаго* (ноябрь, стр. 8—59 и декабрь 1878 г.). Въ своей монографіи, кромѣ печатныхъ матеріаловъ и статей о Фотіѣ, авторъ пользовался важными и еще неизданными въ свѣтъ матеріалами, собранными притомъ въ рѣдкой полнотѣ и законченности не только относительно личности Фотія и его церковно-общественной дѣятельности, но и всего движенія той интриги, которая повела къ паденію кн. Голицына и возвышенію Шишкова и Аракчеева. Рукописи, заключающія въ себѣ эти новые матеріалы, частію писаны, а частію исправлены самимъ Фотіемъ, принадлежали первоначально гр. А. А. Орловой-Чесменской и состоятъ изъ: 1) автобіографіи Фотія, въ трехъ большихъ томахъ, въ листъ (84+204+163 л.), обнимающей періодъ вре-

мени отъ первоначальнаго воспитанія Фотія по 1825 г., по годъ смерти Александра I, заканчивающій и церковно-общественную дѣятельность самого Фотія, — автобіографіи, въ которой Фотій не ограничивался только личнымъ жизнеописаніемъ, но обстоятельно излагалъ и современную ему эпоху съ ея дѣятелями; 2) собранія актовъ и документовъ, съ изложеніемъ той борьбы, въ которой Фотій принималъ живое и дѣятельное участіе (два тома въ листъ, 46+38 докум., 166+283 л.), собранія, пересмотрѣннаго лично Фотіемъ; 3) „Сказанія о жизни, трудахъ и успеніи Фотія“, составленнаго келліархомъ Юрьевской при Фотіѣ обители и обнимающаго жизнь Фотія съ 1829 г. по самую его смерть; 4) „Сказанія о жизни и подвигахъ бл. Иннокентія, еп. Пензенскаго“, написаннаго Фотіемъ и важнаго потому, что выясняетъ отношенія Иннокентія къ Фотію; 5) „Огласительнаго Богословія“, составленнаго Фотіемъ въ бытность его законоучителемъ во 2 кадетскомъ корпусѣ. — Предпославъ своей монографіи краткій очеркъ религиозно-нравственнаго мистическаго движенія при Александрѣ I, причинъ его возникновенія, его существа, цѣлей и тѣхъ результатовъ, какіе имѣло мистическое движеніе, — что важно для опредѣленія не только того положенія, какое занималъ Фотій въ этомъ движеніи, но и причинъ, вызвавшихъ борьбу противъ такъ называемаго „духа времени“ той эпохи, — авторъ замѣчаетъ:

„Принято считать, что главная и рѣшительная роль въ борьбѣ поднятой противъ мистицизма принадлежала Фотію. Въ извѣстной степени это вѣрно. Онъ дѣйствительно на своихъ плечахъ вынесъ первые и самые опасные моменты этой борьбы; но въ тоже время самъ Фотій опирался на другія силы. Фотій является какъ представитель ультраконсервативной церковной партіи, за нимъ стояло остальное духовенство. Но борьба, начавшаяся на почвѣ религиозной, скоро получила политическій оттѣнокъ, причемъ выступила реакціонная придворная партія: Аракчеевъ, Шипковъ и Магницкій. Вопросъ шелъ уже не о крайностяхъ піэтизма, а о спасеніи государства отъ „революціи, въ тайнѣ дѣемой“, — о томъ, чтобы захватить, сжать и затормозить движеніе пробудившейся мысли, общественнаго сознанія и реформъ... Какъ случилось, что религиозный протестъ противъ край-

ностей мистицизма перешелъ въ государственную реакцію, которая окончилась „аракчеевщиной“? — Отвѣтъ читатели найдутъ въ статьѣ; здѣсь же замѣтимъ, что хотя борьба началась въ сферѣ религіозной, но дѣатели ея скоро убѣдились въ своемъ безсиліи на этой почвѣ. Само духовенство далеко не все раздѣляло мнѣнія и вражду озлобленныхъ враговъ мистицизма; если такія лица, какъ Филаретъ и Евгеній, высказывали свое сочувствіе нравственному движенію современнаго имъ общества, то масса естественно оставалась совершенно безучастною къ борьбѣ. Оставаясь одинокими, возбудители борьбы видѣли, что ничего не добьются, идя прямымъ путемъ. Тогда они не задумались привлечь своихъ противниковъ къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемыхъ въ политической неблагонадежности. Фотій въ этомъ отношеніи превзошелъ самаго рьянаго сыщика. Онъ не только не хотѣлъ вникнуть въ существо новаго движенія, не только не допускалъ въ немъ никакой искренности, но совершенно произвольно искажалъ мнѣнія противниковъ, навязывалъ имъ собственные замыслы, перетолковывалъ и комментировалъ ихъ слова въ смыслѣ революціонномъ; въ мистическихъ созерцаніяхъ онъ сумѣлъ отыскать „адскій планъ“, „замыслы тайной революціи“, „замышленную пагубу Россіи“ и даже замыслы противъ государя; въ учрежденіи библейскаго общества открылъ „намѣреніе составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то республику и одну религію“ и т. д. Когда борьбѣ данъ былъ такой оборотъ и когда заявила надежда на успѣхъ, то къ ней примкнули всѣ темныя силы, которыя и утилизировали фанатическаго монаха въ свою пользу, хотя достигнувъ цѣли они отступились отъ него. Но дѣло было сдѣлано: реакція овладѣла полемъ битвы, и мрачнымъ туманомъ заволокло горизонтъ царствованія, которое началось такъ свѣтло и отрадно.

Х. Отечественныя Записки.

1) *Прыгуны. (Матеріалы къ исторіи обрусенія закавказскаго края). Н. Д.* (октябрь стр. 379—430 и ноябрь стр. 29—80). Излагается исторія появленія и распространенія прыгунскаго толка, возникшаго среди молочанъ, переселенныхъ въ 40-хъ годахъ изъ тамбовской и саратовской губерній въ эриванскую, и таинственная, обрядовая и бытовая сторона его.

2) *Раціонализмъ на югъ Россіи.* Емельянова (мартъ стр. 203—224 и май стр. 199—230). — Авторъ говоритъ о штун-

дистахъ, касаясь другихъ сектъ только въ той мѣрѣ, насколько это необходимо для выясненія развитія въ Малороссіи штунды, какъ секты по преимуществу рационалистической.

XI. Слово.

1) *У нашихъ кавказскихъ раскольниковъ (Очеркъ)*. Студзинскаго (февраль).—Авторъ описываетъ свое знакомство съ сектою молоканства, ея ученіемъ и главными представителями въ с. Воронцовкѣ (на пути изъ Александрополя въ Тифлисъ).

2) *Старовѣріе Юзова* (іюль, стр. 81—105, авг., стр. 87—108).—Причины появленія и распространенія старовѣрія. II. Число раскольниковъ. III. Успѣхъ рационализма въ старовѣрії. Статья компилятивная. Авторъ разъясняетъ, что расколъ былъ крупнымъ явленіемъ народнаго умственнаго прогресса, что мнѣніе о невѣжествѣ и закоснѣлости такъ называемыхъ старовѣровъ есть результатъ какъ вражды къ нимъ, такъ и полнѣйшаго незнакомства съ нынѣшними ихъ воззрѣніями, что передовая часть безпоповщины проповѣдуетъ религіозный рационализмъ, а остальная находится на пути къ нему, и что эта послѣдняя не можетъ остановиться на этомъ пути, такъ какъ вражда ко всякой іерархіи не даетъ возможности сковать и закрѣпить ихъ религіозныя воззрѣнія. Право свободнаго толкованія священныхъ книгъ вошло въ ихъ плоть и кровь, а тамъ, гдѣ всякій имѣетъ право разрѣшать свои религіозныя сомнѣнія опираясь на свое собственное пониманіе текста священныхъ книгъ, тамъ рационализму—раздолье. Рационализмъ, по замѣчанію автора, благодаря безпоповцамъ, широко разливается по русской землѣ, и не смотря на то, что подъ руками у безпоповцевъ находятся только старопечатныя книги, они и изъ нихъ умѣютъ извлекать такія мнѣнія и взгляды, какъ напр. теорія развитія и усовершенствованія заветовъ Господнихъ, созданная Бондаревымъ.

Е. Прилежаевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки